

ПРОКАТ СЕМЕЙНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

АНДРЕЙ СЕВЕРСКИЙ

Андрей Северский

Прокат семейных воспоминаний

«Автор»

2026

Северский А.

Прокат семейных воспоминаний / А. Северский — «Автор»,
2026

В Бережске можно взять напрокат чужое семейное воспоминание: воскресный обед, возвращение дочери, голос матери. Оценщица Надежда Крылова знает, что пережитое в кресле не доказывает родства. Но когда её мать Вера перестаёт узнавать собственных детей, Надежда нарушает правила ради нескольких минут заёмной близости. Сеанс помогает — и открывает историю чужого альбома, паводкового фонда и согласий, которых никто не спрашивал. Пока городская комиссия проверяет прокат, Надежде приходится выбирать между утешительной версией семьи и правом живых людей распоряжаться своим прошлым. А ещё — делить уход за матерью с братом, которому она давно не доверяет. «Прокат семейных воспоминаний» — роман с элементами магического реализма о памяти, согласии и заботе без гарантированной благодарности. О том, что близость создают не одинаковые рассказы о прошлом, а поступки, на которые люди решаются сегодня.

© Северский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Чужой воскресный суп	7
Глава 2. Правила возврата	14
Глава 3. Мать другой девочки	25
Глава 4. Бирка без донора	33
Глава 5. Брат по телефону	41
Глава 6. Семь дней тепла	51
Глава 7. Инвентаризация родства	57
Глава 8. Двор, которого не было	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Андрей Северский

Прокат семейных воспоминаний

От автора

Почти в каждой семье есть история, которую разные люди рассказывают по-разному. В одной версии дядя ушёл с праздника, потому что обиделся. В другой — потому что спешил на последний автобус. В третьей он вообще не уходил, а стоял на балконе, и спустя двадцать лет никто уже не может доказать, кто перепутал человека, день или причину. При этом каждая версия способна быть искренней. Память редко работает как общий семейный архив с пронумерованными папками. Скорее она похожа на квартиру после многих переездов: вещи сохранились, но лежат не там, где их оставляли, и некоторые мы узнаём только потому, что нам однажды сказали, кому они принадлежали.

Замысел этого романа возник из простого вопроса: что случилось бы, если бы чужое семейное воспоминание можно было получить напрокат — не прочитать и не увидеть на экране, а на короткое время пережить как своё? Почувствовать тяжесть знакомой ладони на плече, знать расположение чашек в доме, где никогда не был, скучать по человеку, с которым не встречался. Такая услуга могла бы утешать одиноких, помогать говорить о прошлом и давать человеку опыт близости, которой ему не хватало. Но вместе с утешением она неизбежно принесла бы власть: кто решает, какую версию семьи можно выдавать, кому принадлежит переживание и когда помощь превращается в присвоение?

В Бережске, где происходит действие, прокат воспоминаний давно перестал казаться чудом. Он занимает этаж бывшего Дома быта, выдаёт номерки, ведёт картотеки, теряет заявления и выполняет месячный план. Необычное здесь окружено самым обычным: скрипучими стульями, больничными бахилами, очередями, квитанциями, разговорами на кухне. Мне было важно не объяснять эффект вымышленной технологией до последнего винтика. Люди редко понимают до конца даже те способы хранения памяти, которыми пользуются ежедневно. Фотография, запах, чужой рассказ или старая вещь иногда возвращают прошлое с такой телесной силой, что происхождение чувства отступает перед самим чувством. В романе эта способность сделана буквальной, но не превращена в безошибочную запись.

Заёмное воспоминание в этой книге не доказывает, что событие происходило именно так. Оно не устанавливает родство, право на квартиру, вину или невиновность. Оно несёт точку зрения того, кто запомнил, а иногда — следы людей, которые сохраняли, описывали и передавали его дальше. Убедительность переживания и достоверность факта здесь намеренно разведены. Это различие важно не только для фантастического допущения. Мы и без проката принимаем решения под влиянием семейных рассказов, повторённых так часто, что они начинают звучать как документы.

В центре романа — Надежда Крылова, женщина, профессионально умеющая оценивать чужую память и потому особенно уверенная, что сможет распорядиться ею осторожно. Её матери всё труднее узнавать близких. Болезнь не служит в книге загадкой, которую можно разгадать правильным воспоминанием, и не становится красивым способом примирить семью. Она остаётся тяжёлой повседневностью: повторяющимися вопросами, усталостью, документами, заботой, раздражением и короткими минутами ясности, которые невозможно вызвать по расписанию. Фантастическая услуга не заменяет медицинскую помощь и не отменяет человеческих границ.

Мне хотелось написать о соблазне получить подтверждение любви тогда, когда другой человек больше не может или не хочет его дать. Этот соблазн легко назвать эгоизмом со сто-

роны, но изнутри он часто похож на заботу. Надежда действует не потому, что не любит мать, а потому, что любовь смешивается в ней со страхом исчезнуть из материнской памяти. Чем полезнее оказывается чужое воспоминание, тем труднее признать цену его использования.

В этой истории нет стороны, которая владеет всей правдой. У доноров есть право на свою жизнь, у клиентов — реальная нужда, у сотрудников — ответственность за правила, а у семьи — несколько несовпадающих рассказов об одном прошлом. Даже человек, защищающий несправедливое устройство, может делать это не только ради выгоды. Плохие решения становятся особенно прочными, когда помогают кому-то прямо сейчас и перекладывают цену на тех, кого не видно в очереди.

Книгу можно читать как семейный роман, как историю нравственного выбора или как рассказ о маленьком учреждении, которому приходится заново определить собственную работу. Не требуется заранее решать, «настоящие» ли выдаваемые воспоминания. Для героев они настоящие как переживание и недостаточные как доказательство. Важнее наблюдать, какие поступки люди совершают после них и кому достаются последствия.

Семья в романе не определяется одинаковой памятью. Двое близких могут помнить один вечер несовместимо и всё же не перестать быть близкими. И наоборот: можно знать чужое детство до запаха мокрых варежек и не получить права называться родным. Между этими двумя положениями остаётся работа настоящего времени — прийти, выслушать, оформить доверенность, вернуть вещь, выдержать отказ, не подменить заботу удобной версией другого человека.

Именно об этой работе — неловкой, будничной и не всегда вознаграждённой — написан «Прокат семейных воспоминаний».

Глава 1. Чужой воскресный суп

Кастрюля помнила больше, чем женщина, которая её принесла.

Женщина поставила её на стойку осторожно, обеими руками, хотя алюминиевая кастрюля была пустой. На боку темнело овальное пятно, ручки расшатались, а крышка принадлежала другому комплекту и садилась с зазором. Надежда Крылова сначала записала внешние признаки, потом спросила:

— Как вас зовут?

— Раиса Петровна Сомова. Я по записи на десять сорок.

— Документ и заявление.

Раиса Петровна достала паспорт, сложенный бланк и три фотографии. На первой люди сидели за столом, заслонённым бутылками и салатницами. На второй мужчина в майке держал ту же кастрюлю прихваткой. Третья была современной: кастрюля на клеёнке рядом с сегодняшней газетой.

— Газета не нужна, — сказала Надежда.

— Мне по телефону велели доказать, что вещь моя.

— Газета доказывает, что её фотографировали во вторник. Владение подтверждают заявление и история передачи. От кого она вам досталась?

— От матери. Потом была у сестры, но сестра отдала. Она всё равно супы не варит.

— Сестра согласна на помещение воспоминания в прокат?

— А при чём здесь сестра? Кастрюля моя.

Надежда развернула заявление. В графе совладельцев стоял прочерк.

— Вещь ваша. Воспоминание может быть не только вашим.

Раиса Петровна поджала губы.

— Обед был у матери. Сестра тогда вообще в институте училась.

— В воскресенье приезжала?

— Приезжала, конечно.

— Значит, могла оказаться внутри эпизода.

— Выдавать-то будут мой суп, не её.

Надежда не стала объяснять, что суп нельзя отделить от стола, а стол — от тех, кто за ним сидел. Для этого существовала пробная оценка. Она выдала Раисе Петровне дополнительный лист согласия и указала строку, где сестра могла разрешить использование своего образа либо потребовать закрыть лицо и голос при обработке.

— Вы что же, лица из памяти вычёркиваете?

— Мы ограничиваем выдачу, если человек не согласен.

— И как я вспомню воскресенье без сестры?

— Может оказаться, что никак. Тогда пакет не примут в общий каталог.

Раиса Петровна посмотрела на кастрюлю так, словно Надежда только что обнаружила в ней трещину.

Приёмная проката занимала бывшее ателье Дома быта. От прежнего помещения остались широкие окна, примерочные за фанерными перегородками и табличка «Изделия без квитанции не выдаются». Новую табличку Орлов распорядился повесить ниже: «Пережитое не является подтверждением события». Посетители читали первую чаще.

За спиной Раисы Петровны ждали ещё четверо. Молодой человек держал детскую варежку в прозрачном пакете. Старик принёс настольные часы. Девушка прижимала к груди коробку с ёлочными игрушками и всё время проверяла, не разбилось ли что-нибудь внутри. У стены сидела пара без вещей — они пришли выбрать готовое воспоминание.

Надежда поставила кастрюлю на серый поднос.

— Пробный отклик займёт до трёх минут. Вы можете присутствовать за стеклом. Я не буду пересказывать частные детали, только определю пригодность.

— Почему не пересказывать? Я же сама всё знаю.

— Тогда вам пересказ не нужен.

Раиса Петровна недовольно взяла номерок наблюдателя.

В оценочной кабине пахло пылью, спиртом и горячей проводкой. Аппарат стоял на столе с восьмидесятых годов, хотя внутренности меняли дважды. Он напоминал увеличитель из фотолаборатории: стойка, матовый колпак, два медных зажима и площадка для предмета. Объяснение Орлова для посетителей состояло из слов «остаточный образ» и «сенсорная привязка». Надежда не любила ни одно. Аппарат иногда молчал над вещью, которую целовали перед смертью, и отзывался на магазинную ложку, перепутанную в столовой. Неясность не мешала прокату брать плату, но должна была мешать сотрудникам обещать результат.

Надежда надела тканевую манжету на левое запястье, проверила аварийную кнопку и поставила кастрюлю под колпак. За стеклом Раиса Петровна сложила руки на груди.

— Оценка номер две тысячи восемьсот семьдесят четыре, — произнесла Надежда для записи. — Предмет: кастрюля алюминиевая, объём четыре литра, заявленная семейная эксплуатация с тысяча девятьсот семьдесят восьмого по девяносто шестой год. Цель: определить наличие устойчивого бытового эпизода и участников.

Она опустила ладонь на крышку.

Сначала ничего не произошло. Металл был прохладным, край крышки царапал основание большого пальца. Потом Надежда услышала, как ложка ударила о тарелку.

Звук пришёл не из кабины. Он оказался внутри пространства, которое уже существовало вокруг неё: тесная кухня, окно запотело, на подоконнике лежала отвёртка, хотя никто за столом не собирался ничего чинить. Надежда знала, что суп пересолен, до того, как попробовала его. Знала, что мать поставит сметану перед младшей дочерью, старшая обидится и скажет, будто не любит сметану. Знала, что мужчина в конце стола прячет под хлебом таблетку.

Она не видела их лиц целиком. Воспоминание держалось на движениях рук, на паре над тарелками, на необходимости передать половник слева направо. Чужая досада была тёплой и привычной. Не та досада, после которой уходят, а та, которой подтверждают своё место: мне опять дали щербатую тарелку, потому что все знают, что я не жалею всерьёз.

— Ешьте, пока горячее, — сказала женщина у плиты.

Голос прозвучал сразу молодым и старым. Надежда почувствовала запах укропа, варёной курицы и влажной шерсти. Кто-то пришёл с улицы и повесил пальто возле печи. В кармане пальто лежал мандарин, один на всех, но до него в воскресенье не дошло.

Младшая сестра засмеялась. Старшая толкнула её коленом под столом.

Надежда убрала руку.

Кабина вернулась резко. Вентилятор аппарата гудел, на стекле отражалось лицо Раисы Петровны. Та улыбалась, будто слышала знакомый смех.

Надежда нажала отметку времени: одна минута сорок девять секунд.

На языке оставался вкус укропа. Это не означало, что в супе был укроп. На пробных оценках она однажды ощущала лимон в воспоминании человека, который позднее признался: лимоны появились у них только через десять лет, а запах принадлежал лекарству от моли. Чувство приходило целиком, но целое не обязано было быть точным.

В карточке Надежда записала: «Устойчивый эпизод совместного воскресного обеда. Не менее пяти участников, двое несовершеннолетних либо запомненных как несовершеннолетние. Выраженная вкусовая и тактильная составляющая. Эмоциональный профиль: принадлежность через повторяющееся бытовое раздражение. Требуется согласия распознаваемых участников. Фактический состав блюда не подтверждён».

Раиса Петровна вошла, не дожидаясь приглашения.

— Ну? Хороший?

— Устойчивый.

— Я же говорила. Куриный с лапшой.

Надежда повернула к ней карточку, закрыв нижнюю часть ладонью.

— Состав я не подтверждаю. Есть не менее пяти человек. Нужно согласие сестры и, вероятно, мужчины за столом.

— Отца нет двенадцать лет.

— Тогда свидетельство о смерти или отметка в реестре. Если образ затрагивает его частные сведения, доступ будет ограничен.

— Какие ещё частные сведения у покойника за супом?

Надежда вспомнила таблетку под хлебом. Не сказала.

— Это выясняется при обработке. Подпишите, что пробный отклик проведён без гарантии включения в каталог.

Раиса Петровна подписала, сильно нажимая ручкой.

— А деньги когда?

— После первой выдачи. Размер зависит от категории и ограничений.

— Мне соседка сказала, за хорошее детство платят больше.

— У нас нет категории «хорошее детство».

— А зря. На плохое и бесплатно желающих найдёте.

Она забрала кастрюлю, оставив крышку для повторной оценки. Надежда положила её в пакет, прикрепила бирку и позвала следующего посетителя.

До обеда она приняла варежку с коротким ощущением ожидания у закрытого детского сада, часы с памятью о ссоре из-за опоздания и ёлочные игрушки, которые не дали никакого отклика. Девушка заплакала не от потери воспоминания, а от того, что три года хранила коробку, боялась открыть и считала её последнимместищем бабушки.

— Нулевой отклик не значит, что вещи ничего не помнят, — сказала Надежда привычную фразу. — Это значит, что наш способ ничего не получил.

— А другой способ есть?

— Фотографии, разговоры с теми, кто знал вашу бабушку. Можно записать собственное воспоминание без аппарата.

— За него платят?

— Если оно пройдёт отбор для каталога устных историй.

Девушка вытерла лицо и спросила бланк. Надежда дала. Именно такие минуты Орлов приводил на совещаниях как доказательство пользы проката. Он не упоминал, что каталог устных историй слушали бесплатно и план отделу за него не засчитывали.

В двенадцать тридцать Тимур принёс папки из хранилища.

— Ты опять держишь очередь до лестницы, — сказал он.

— Пять человек — не до лестницы.

— Пара вернулась. Им семейное примирение не подошло.

— В каком смысле?

— Он почувствовал себя виноватым, она — нет. Теперь спорят, кому выдали бракованный комплект.

Тимур был моложе Надежды на восемь лет и одевался так, словно архив располагался в подвале монастыря: серые рубашки, тёмные жилеты, ботинки без блеска. На правом запястье он носил красную нитку от матери, но семейные пакеты никогда не арендовал.

— У нас нет комплектов на двоих, — сказала Надежда.

— Они купили два доступа к одному эпизоду.

— В условиях написано, что переживания различаются.

— Они прочли название: «После ссоры мы остались семьёй». Условия читают после ссоры с кассиром.

Надежда закрыла журнал оценки.

— Пусть напишут заявления отдельно.

— Уже. Орлов хочет, чтобы ты ответила до вечера. И просил зайти.

— Зачем?

— Месячный план. Когда директор зовёт в обед, это либо план, либо пожар. Пожарные не приехали, значит, план.

Надежда посмотрела на часы. До посещения матери оставалось четыре часа. В сумке лежали яблоки, сменная ночная рубашка и расчёска с редкими зубьями. Вера не любила больничные расчёски, говорила, что ими до неё чесали умерших. На прошлой неделе она сказала это трижды, а вчера не сказала ни разу.

Кабинет Орлова находился там, где прежде принимали заказы на похоронные костюмы. Лев Борисович не знал этого или делал вид, что не знает. За его спиной висела диаграмма выдач: зелёная линия прошлого года и красная нынешнего. Красная отставала.

— Садитесь, Надежда Сергеевна. Чай?

— Нет, спасибо.

— У вас утром четыре оценки и одна нулевая. Хорошо. Но на общий каталог прошла одна.

— По остальным нет согласий.

— Согласия можно дособрать.

— Пока их нет, я не могу считать пакет принятым.

Орлов снял очки и протёр краем галстука. Ему было чуть больше шестидесяти. В прокате рассказывали, что первым удачным носителем стала его школьная фотография, но карточки той оценки Надежда не видела.

— Город считает принятые предметы, — сказал он. — Не пакеты. Формулировку постановления вы знаете.

— Город считает предметы, пригодные к выдаче.

— Там нет слова «немедленной».

— Крышка без согласий непригодна.

— Временно ограничена.

Он произнёс это почти ласково, как врач, который заменяет плохое слово более длинным. Надежда могла возразить, но в коридоре зазвонил телефон. Орлов подождал, пока звонок прекратится.

— В следующем месяце проверка, — продолжил он. — Нам нужно показать не только культурную, но и социальную функцию. Одиночество, адаптация после утраты, поддержка пожилых. Вы ведёте семейный раздел и понимаете, что людям нужен не идеальный договор. Им иногда нужен воскресный суп.

— Раисе Петровне нужны деньги за воскресный суп.

— Это не запрещает супу быть полезным.

— И не даёт согласия её сестры.

Орлов надел очки.

— Я не предлагаю нарушать правила. Я предлагаю не толковать их так, чтобы учреждение осталось с одними пустыми полками.

Надежда подумала о ёлочных игрушках. Пустой полкой Орлов называл отсутствие пригодного отклика, а не отсутствие памяти у человека. Различие она сама объясняла посетителям и забывала на совещаниях.

— Ответ паре я подготовлю, — сказала она.

— И посмотрите подборку для больниц. Главврач просит демонстрацию в четверг.

— Какую подборку?

— Спокойные узнавания. Возвращение родственника, дом после разлуки, семейный голос. Без тяжёлых эпизодов.

— Для персонала?

— Для попечительского совета.

— Пациентам выдавать будут?

— Пока демонстрация.

Слово «пока» Орлов произнёс так же, как «временно».

На рабочем месте Надежда открыла каталог больничной подборки. В нём было сорок три пакета. «Отец встречается у вокзала». «Сестра поправляет одеяло». «Внук узнаёт дачу». Названия писали сотрудники, не доноры. Иногда одна удачная строка увеличивала выдачу вдвое.

Надежда отсортировала по эмоциональной нагрузке, сроку остаточного чувства и полноте согласий. Семнадцать пакетов исчезли. Ещё девять не подходили пожилым из-за сильной дезориентации после сеанса. В списке осталось шесть.

Седьмой находился в закрытом разделе.

«Дочь возвращается домой».

Надежда видела это название раньше. Пакет поступил из раннего фонда, носителем значился фотоальбом, доступ ограничили после жалобы без пояснений. Возраст переживающего в эпизоде — около пятидесяти. Эмоциональный профиль: узнавание взрослой дочери после долгого отсутствия, облегчение, бытовая нежность, слабая вина. Остаточное чувство — от пяти до семи дней.

Она нажала на карточку. Система запросила служебное основание.

Надежда закрыла окно.

В больницу она приехала в половине шестого. У входа продавали нарциссы, хотя снег в тени ещё не сошёл. Надежда купила три, потом пожалела: в отделение живые цветы не разрешали. Продавщица завернула стебли в газету и сказала, что можно оставить внизу у гардеробщицы.

Вера лежала у окна, поверх одеяла, в вязаной кофте. Соседка смотрела телевизор без звука. На экране мужчина открывал рот перед кастрюлей, и Надежда на мгновение почувствовала вкус укропа.

— Мам, привет.

Вера повернула голову. Лицо у неё было спокойное, почти строгое.

— Вы к кому?

— К тебе. Я Надя.

— Надя из процедурной?

— Твоя дочь.

Вера посмотрела на тумбочку, будто там лежал список дочерей.

— У меня дочь маленькая.

— Мне тридцать восемь.

— Тогда вы ошиблись палатой.

Надежда поставила сумку на стул. Она знала рекомендации: не спорить, не проверять, не требовать узнавания. Врач говорил это спокойно, Антон повторял сердито, памятка у сестринского поста сообщала крупными буквами. Но каждый раз внутри возникала простая, почти детская уверенность, что достаточно предъявить правильную подробность.

— Помнишь нашу квартиру на Речной? Кухню с зелёным холодильником? Ты по воскресеньям варила суп с домашней лапшой.

Вера насторожилась.

— У нас холодильник был белый.

— Сначала белый. Потом Антон покрасил дверцу.

— Кто такой Антон?

— Твой сын.

Соседка прибавила звук. В телевизоре засмеялись.

Надежда достала яблоки.

— Я принесу фотографию. Там мы все на кухне.

— Не надо. Чужие фотографии таскают, потом требуют расписаться.

— Я ничего не прошу подписывать.

— Все так говорят.

Вера отвернулась к окну. На стекле лежал серый больничный свет. Надежда очистила яблоко, разрезала на тонкие дольки и положила в тарелку. Мать не взяла.

Через десять минут вошла санитарка Галя. Вера сразу улыбнулась.

— Галочка, скажи этой женщине, что мне пора домой.

Галя посмотрела на Надежду извиняющимся взглядом.

— Вера Сергеевна, это же Надя пришла.

— Вот ещё. Надя после школы у тёти Лиды.

— Хорошо, — сказала Надежда. — Я просто посижу.

— Пусть сидит, если ей некуда идти.

Галя поправила одеяло и шепнула у двери:

— Утром она вас спрашивала.

— По имени?

— Сказала: где женщина с расчёской.

Надежда кивнула. Следовало считать это достаточным. Женщина с расчёской была ролью, которую она действительно исполняла. Но внутри уже стояла другая сцена: дверь открывается, мать узнаёт взрослую дочь, вина за задержку смешивается с облегчением, и всё это длится пять-семь дней.

Она расчесала Вере волосы. Мать терпела, иногда морщилась, но не отстранялась. Потом взяла яблочную дольку и спросила:

— Вы замужем?

— Нет.

— Плохо.

— Почему?

— Забрать вас некому. Так и будете по палатам ходить.

Надежда засмеялась раньше, чем успела обидеться. Вера тоже улыбнулась, не понимая причины. На несколько секунд они оказались вместе не потому, что мать правильно назвала дочь, а потому, что фраза получилась смешной.

Этого должно было хватить.

Перед уходом Надежда оставила расчёску в тумбочке и подписала на ручке фамилию. У гардероба забрала нарциссы. Один стебель сломался под газетой.

Дом быта закрывался в восемь. Охранник знал Надежду и пропустил через боковую дверь, решив, что она забыла сумку. На втором этаже горела только дежурная лампа. За стеклом приёмной стояли подносы с сегодняшними предметами: крышка от кастрюли, варёжка, часы. Каждый ждал решения, но ни один не требовал его ночью.

Надежда включила рабочий компьютер. Закрытый раздел запросил основание. Она выбрала «подготовка больничной демонстрации». Карточка пакета открылась полностью.

Носитель: альбом семейный, тканевая обложка, сорок восемь листов. Донорский код: ПФ-17. Имя донора скрыто. Согласие: ранняя форма. Ограничение: выдача только в присутствии специалиста. Причина ограничения не была внесена в электронную карточку.

В нижнем поле имелась кнопка «резерв».

Для больничной демонстрации резервировали на номер учреждения. Для личного сеанса требовались паспорт клиента, подпись и оплата. Надежда не могла вписать Веру: медицинская карта не заменяла согласия, а доверенность на бытовые расходы не разрешала вмешательство в память.

Она ввела номер заявки пары, вернувшей пакет о примирении. Заявка оставалась открытой до письменного ответа и давала техническую возможность резервировать другой эпизод как замену.

Курсор мигал над кнопкой.

Надежда вспомнила, как Вера сказала: «Пусть сидит, если ей некуда идти». Потом — как не отстранилась от расчёски. Одно воспоминание было сегодняшним и принадлежало ей. Второе тоже. Ни одно не давало права на альбом ПФ-17.

Она нажала «резерв».

Система выдала срок: до восемнадцати ноль-ноль следующего дня.

Надежда распечатала квитанцию без имени клиента, сложила вчетверо и убрала в карман. На экране рядом с названием появилась жёлтая полоска: «Временно недоступно».

Формулировка была знакомой. Так Орлов называл вещь, которой ещё нельзя пользоваться, но очень хотелось считать принятой.

Глава 2. Правила возврата

Утром пакет ПФ-17 лежал там, где Надежда оставила его ночью, но жёлтая бирка успела повернуться надписью вниз.

Она заметила это ещё от двери хранилища. Вдоль стены стояли серые ячейки, похожие на почтовые, только вместо квартирных номеров на них были годы поступления. В ячейке раннего фонда виднелся край тканевой обложки. Альбом завернули в бескислотную бумагу, перевязали тесьмой и положили в пластиковый лоток. Никакого замка не было. Закрытые воспоминания хранились рядом с доступными: запрет находился в карточке, а не в вещи.

Надежда перевернула бирку. «ПФ-17. Выдача в присутствии специалиста. Повторное согласование обязательно».

Ночная квитанция в кармане пальто казалась толще сложенного вчетверо листка. Резерв истекал в шесть вечера. До больницы она могла добраться к половине шестого, если не задержит вводный сеанс, если Орлов не вызовет к себе и если Вера сегодня останется в том же отделении. Вчера врач говорил о переводе, но не назвал день.

Надежда закрыла дверцу ячейки. Сначала следовало провести выдачу.

К девяти в кабинете ожидала Марина Власова — одна из той пары, которая вернула «семейное примирение». Мужа с ней не было. На коленях она держала сумку, а в сумке, судя по углам, лежала папка с заявлениями. Женщина приготовилась не переживать память, а судиться.

— Где второй клиент? — спросила Надежда.

— Дома. Считает, что я должна первая извиниться.

— Вы пришли на замену вдвоём.

— В заявке два человека. Я — один из них.

Надежда села напротив и открыла карточку. Именно её номер стоял на резерве ПФ-17. Если провести замену и закрыть заявку, служебное основание исчезнет. Если отказать, Марина пойдёт к Орлову.

— Сначала разберём возврат, — сказала Надежда. — Вы утверждаете, что пакет подействовал на вас по-разному.

— Он подействовал одинаково. Это и есть проблема.

Марина достала два листа. На одном почерк был прямой и крупный, на другом буквы теснились у левого поля.

— В воспоминании муж пришёл после ссоры и положил на стол зарплату. Женщина его простила. Игорь решил, что прощали его. Я тоже почувствовала, что прощали его. Теперь он говорит: даже чужая память знает, кто у нас виноват.

— Пакет не знает вашего мужа.

— Он знает мужчину, который вернулся с деньгами.

— Это не одно и то же.

— Объясните Игорю.

— Для этого он должен прийти.

— Он говорит, что уже всё понял.

Надежда прочитала заявления. Игорь требовал возврата денег за «предоставление эмоционально предвзятого эпизода». Марина просила заменить пакет на такой, где первым мирится мужчина, но виновной остаётся женщина. Внизу она приписала: «Для равновесия».

— У нас нет воспоминаний для установления равновесия в споре, — сказала Надежда.

— А для чего они у вас есть?

Ответов было несколько, и каждый печатали в отдельной брошюре. Для поддержки после утраты. Для знакомства с семейным опытом других поколений. Для временного пережива-

ния эмоциональной связи. Орлов добавлял: для снижения одиночества. Посетители говорили короче: чтобы вспомнить то, чего не было.

— Для переживания одного эпизода на условиях владельца, — сказала Надежда. — Не для решения, кто прав в вашей семье.

Марина посмотрела на неё с усталой внимательностью.

— Тогда дайте что-нибудь без мужчины.

— Зачем?

— Чтобы он не присвоил.

В дверях появился Тимур с коробкой манжет.

— Девять десять, — сказал он. — Вводная группа собралась. Орлов велел начать без него.

Надежда отдала Марине копии заявлений.

— Я приостановлю вашу замену до беседы с обоими. Сегодня ничего не выдаю.

— А срок заявки?

— Продлю вручную.

Она поставила в карточке отметку «спорный возврат». Заявка осталась открытой. Резерв ПФ-17 — тоже.

Марина убрала листы.

— Вы всё время говорите «один эпизод». А сколько у человека эпизодов?

— В пакете или вообще?

— Вообще.

— Прокат этого не считает.

— Удобно.

Она ушла, не попрощавшись. Тимур проводил её взглядом.

— Это та, у которой муж оказался виноват недостаточно?

— Это та, у которой прокат приняли за семейного судью.

— А разве в рекламе не написано: «Посмотрите на близкого по-новому»?

— Написано «почувствуйте близость по-новому».

— Значит, юристы ещё не совсем зря едят.

Надежда взяла журнал вводных сеансов. Тимур не уходил.

— Ты ночью резервировала ранний фонд? — спросил он.

Она продолжила проверять подписи.

— Для больничной подборки.

— В половине девятого?

— Днём не успела.

— ПФ-17 два года никто не открывал.

— Поэтому он не перестал существовать.

Тимур поставил коробку на стол.

— Второе согласование у Орлова.

— Я знаю.

— В журнале согласований нет записи.

— Я только зарезервировала.

Он кивнул, словно согласился не с ответом, а с тем, что услышал ровно тот ответ, которого ожидал.

— В группе шесть человек, — сказал он. — Один пришёл с собственным предметом и обижается, что его нельзя взять на чужой сеанс.

— Чей предмет?

— Его.

— Тогда почему обижается?

— Потому что чайная ложка принадлежала бабушке. Бабушка умерла, значит, по его мнению, стала общедоступной.

Вводные сеансы проводили в бывшем зале проката телевизоров. На стене сохранились розетки на разной высоте, а у окна — тёмный прямоугольник от плаката, снятого много лет назад. Шесть стульев стояли полукругом перед демонстрационной площадкой. На ней лежала синяя прихватка в прозрачной кассете.

Прихватка хранила короткий эпизод: женщина снимает с плиты молоко, дочь удерживает дверцу буфета коленом, обе смеются над убежавшей пеной. Никто не умирал, не возвращался после разлуки и не сообщал семейную тайну. Остаточное чувство длилось не больше суток. Поэтому пакет называли учебным, хотя для его донора этот смех мог быть важнее половины общего каталога.

Среди клиентов Надежда сразу узнала мужчину с ложкой: он держал пакет на весу, чтобы не ударить о колено. Рядом сидела женщина лет пятидесяти в новом спортивном костюме; пожилой учитель истории, назвавший профессию ещё в регистратуре; две подруги, перегова- ривавшиеся шёпотом; и худой юноша в форменной куртке речного вокзала.

Надежда раздала правила.

— Сегодня каждый из вас получит один учебный эпизод через один заверенный пред- мет. Сеанс длится не больше четырёх минут. Участие можно прекратить в любое время сло- вом «стоп» или аварийной кнопкой. После сеанса вы описываете ощущения сотруднику, но не обязаны рассказывать личные ассоциации группе.

Учитель поднял руку.

— Почему один предмет? Если взять два из одной семьи, достоверность повысится?

— Нет. Может усилиться отклик, смешаться эпизоды или один предмет заглушит другой. Для выдачи используется один носитель, прошедший оценку.

— Но в исторической науке сопоставляют источники.

— Это не исторический источник.

— Любое свидетельство — источник.

— Переживание в прокате не является свидетельством события. Вы можете почувство- вать запах моря в комнате, где его никогда не было. Можете узнать человека, которого донор называл братом, но это не докажет родство. Нельзя использовать выданное воспоминание в суде, при разделе имущества, для медицинского решения или обвинения другого человека.

— А для научной работы?

— Только по отдельному договору и как материал о переживании, не как запись про- шлого.

Мужчина с ложкой поднял пакет.

— Моя бабушка этой ложкой чай мешала. Если я её сюда положу вместе с прихваткой, я отличу своё от чужого.

— Не положите.

— Почему?

— Ложка не прошла оценку. И вы пришли получить учебный пакет, а не проверить семейную вещь.

— Она чистая.

— Дело не в чистоте.

— Вы же спиртом протираете.

Надежда взяла у него пакет и вернула на колени.

— Один предмет — это не санитарное правило. Это граница сеанса. Если во время чужого эпизода у вас возникнет собственная ассоциация, мы должны понимать, что она пришла от вас, а не от второго носителя.

— А вы понимаете?

— Не всегда. Поэтому и не называем результат фактом.

Юноша у окна внимательно перечитывал листок.

— Здесь написано про семь дней, — сказал он. — Это память семь дней держится?

— Сам эпизод обычно от нескольких минут до нескольких часов вспоминается ярко.

До семи дней может сохраняться остаточное чувство: доверие, тоска, раздражение, ощущение знакомого места, непривычный вкус. Для некоторых пакетов срок короче, для закрытых — бывает дольше. В карточке это указывают.

— А потом совсем проходит?

— Должно ослабнуть. Если не ослабло, вы звоните нам и не берёте новый пакет.

Женщина в спортивном костюме спросила:

— А хорошее тоже надо возвращать?

— Предмет возвращают в срок. Чувство нельзя вернуть на стойку, но его нельзя поддерживать повторным сеансом раньше разрешённого интервала.

— Почему? Если мне помогает.

— Потому что после повторов человек начинает принимать чужую привычку за свою. Известны случаи, когда клиенты меняли маршрут домой, покупали продукты, которые не любили, или были уверены, что знакомы с чужими родственниками.

— И что плохого в продуктах?

— Ничего, пока вы понимаете, почему их купили.

Одна из подруг засмеялась. Вторая толкнула её локтем, но Надежда увидела: они пришли именно за этим — за безопасной странностью, которую потом можно пересказать на кухне.

— У проката есть правило возврата, — продолжила она. — Возвращается носитель, кассета, бирка и всё, что было выдано вместе с ними. Нельзя копировать маркировку, вскрывать защитную кассету, прикладывать предмет к другому аппарату или передавать его человеку, не указанному в договоре. Но главное правило относится не к вещи. Вы обязаны вернуть переживание туда, где оно находится по закону и по смыслу: в чужую семью. Вы не можете объявить его своим прошлым.

Учитель усмехнулся.

— По смыслу — это уже философия, а не договор.

— В договоре формулировка длиннее.

— И что, кто-нибудь действительно объявлял чужое прошлое своим?

В зале стало тихо. Надежда подумала о парах, которые после пакета искали в собственной квартире несуществующий сервант; о женщине, требовавшей вписать её в эвакуационный список сорок первого года; о мужчине, пришедшем на похороны незнакомого донора, потому что трижды арендовал его рыбалку с сыном.

— Да, — сказала она. — Поэтому правило напечатано крупно.

Дверь открылась. Орлов вошёл без пиджака, с папкой под мышкой, и сел у стены. Надежда не прервала инструктаж.

Первым на площадку вышел юноша с вокзала. Его звали Егор. Он подписал согласие, оставил телефон и выбрал наблюдателем учителя. Надежда закрепила манжету на его запястье и поставила кассету под матовый колпак.

— Ладонь на отмеченную сторону, — сказала она. — Не пытайтесь удержать картинку. Сообщайте, если станет неприятно.

Егор коснулся пластика.

Сначала он улыбнулся, потом поднял плечо, словно уворачивался от брызг. Пальцы свободной руки сжались вокруг воображаемой ручки. Он сказал:

— Сейчас убежит.

За стеклом женщина в спортивном костюме наклонилась ближе.

— Что убежит? — спросил учитель.

— Не разговаривайте с ним, — сказала Надежда.

Егор тихо засмеялся. Смех оказался неожиданно высоким, детским, но лицо оставалось взрослым и сосредоточенным. Через минуту он убрал ладонь сам.

— Молоко, — сказал он. — На плите. Мы вдвоём. Нет, не мы.

— Назовите три вещи в комнате, — попросила Надежда.

Он огляделся.

— Окно. Красный стул. Часы.

— Где вы находитесь?

— В Доме быта.

— Как вас зовут?

— Егор Савин.

— Чьё воспоминание вы пережили?

Он посмотрел на прихватку под колпаком.

— Не моё.

— Этого достаточно.

Надежда сняла манжету. Егор потёр запястье.

— У нас дома молоко никогда не кипятили, — сказал он. — Мать покупала пакетами и пила холодное. А я всё равно знаю, что там буфет справа.

— Вы пережили расположение комнаты. Не проверяйте его и не ищите дом. В течение суток может казаться, что вы забыли выключить плиту. Перед уходом получите памятку.

— И всё?

— Для учебного пакета — всё.

— За это люди платят?

— Вы тоже заплатили.

Егор снова улыбнулся, уже своим лицом.

— Я думал, будет сильнее.

Орлов у стены пошевелил папкой. Надежда услышала, но не посмотрела на него.

Следующей вызвалась женщина в спортивном костюме. Надежда сверила фамилию — Тамара Бельская — и заметила в анкете отметку о недавней утрате супруга.

— Учебный пакет не предназначен для замены вашего семейного воспоминания, — сказала Надежда негромко.

— Я знаю. Мне в регистратуре уже три раза сказали.

— После сеанса может усилиться тоска по собственной кухне.

— У меня нет тоски по кухне. У меня муж готовил.

— Тогда по мужу.

Тамара помолчала.

— А можно, чтобы усилилась не тоска?

— Выбрать реакцию нельзя.

— Но пакет же весёлый.

— В нём смеются. Это не обещание, что вам будет весело.

Орлов встал.

— Надежда Сергеевна, на минуту.

— У меня сеанс.

— До сеанса.

Он вышел в коридор. Тамара посмотрела на Надежду так, будто директор собирался отменить ей смех.

— Подождите здесь, — сказала Надежда. — К кассете не прикасаться.

В коридоре Орлов открыл папку. Верхний лист был городской таблицей с колонками «охват», «повторное обращение», «социально значимые категории».

— Вы пугаете клиентов, — сказал он.

— Я провожу инструктаж.

— Инструктаж должен объяснять безопасное пользование, а не перечислять всё, что может пойти не так.

— Это и есть безопасное пользование.

— Женщина пришла после утраты, а вы сообщаете ей, что она будет тосковать сильнее.

— Я сообщаю о возможной реакции.

Орлов показал таблицу.

— Через три недели городская проверка. Они возьмут первый квартал и сравнят количество вводных посещений с выдачами. У нас из десяти человек после вашей группы возвращаются четверо.

— Потому что понимают правила.

— В других отделах возвращаются семь.

— В разделе праздничных воспоминаний выдают выпускные и Новый год. Там другие риски.

— Одиночество не делится на разделы.

— Согласия делятся.

Он закрыл папку.

— Мне нужен рост оборота на пятнадцать процентов. Без приписок. Без нарушения интервалов. Просто перестаньте обращаться со взрослыми людьми так, словно любой из них завтра объявит чужую бабушку своей.

За дверью мужчина с ложкой что-то объяснял группе. Слова «семейная собственность» прозвучали дважды.

— Они должны знать, что такое случилось, — сказала Надежда.

— Они должны знать, что делать, если случится. Это не одно и то же. Мы не продаём безопасность. Мы выдаём опыт, которого людям не хватает.

— Опыт не становится безопасным от хорошей формулировки.

— И опасным от плохой тоже. Вы вчера отобрали для больницы шесть пакетов из сорока трёх.

Надежда почувствовала в кармане край квитанции.

— Остальные не подходят.

— Попечительский совет не будет переживать их все. Нужна демонстрация принципа.

— Тогда хватит одного.

— Мне нужно десять карточек в презентации. До конца дня расширьте подборку.

— За счёт закрытых?

Орлов посмотрел на неё поверх очков.

— Почему вы спрашиваете?

— В раннем фонде есть подходящие по профилю.

— В раннем фонде половина согласий оформлена до нынешнего положения. Для показа карточек можно использовать обезличенные описания. Для сеанса — только действующий доступ.

— А ПФ-17?

Он не ответил сразу. Из зала донёсся смех — кто-то прочитал на обороте памятки запрет принимать решения о разводе в течение суток после семейного пакета.

— «Дочь возвращается домой»? — уточнил Орлов.

— Да.

— Не для демонстрации.

— В карточке стоит выдача со специалистом.

— В бумажной карточке есть жалоба. Неоцифрованная.

— Какая?

— Если бы она не требовала внимания, пакет давно открыли бы.

— Кто жаловался?

Орлов прижал папку к груди.

— Вы зарезервировали его ночью под номером спорной заявки. Тимур принёс журнал. Надежда услышала, как в зале передвинули стул.

— Я проверяла возможность включения в подборку.

— Возможность проверяют по карточке, а не резервом на клиента.

— Система иначе не показывает срок остаточного чувства.

Это было правдой и не было ответом.

Орлов устало провёл ладонью по подбородку.

— Снимите резерв. Пакет оставьте в фонде. После проверки поднимем ранние согласия вместе.

— До проверки три недели.

— Именно поэтому сейчас мне не нужен внутренний скандал.

Он сказал это без угрозы, почти просительно. Потом постучал пальцем по папке.

— И закончите группу так, чтобы хотя бы трое записались на выдачу. Не обещайте невозможного. Просто не отговаривайте.

В зале Тамара всё ещё ждала у аппарата. Когда Надежда вернулась, женщина спросила:

— Мне можно или вы решили, что я слишком несчастная?

— Можно, если вы понимаете ограничения.

— Я понимаю, что мне дадут чужую кухню на четыре минуты. Свою я потом всё равно открою ключом.

Надежда помогла ей надеть манжету.

Сеанс длился сорок секунд. Тамара не смеялась. Она держала ладонь на кассете, смотрела прямо перед собой и вдруг сказала:

— Не так.

— Что именно?

— Он вытирал плитку сразу. Всегда сразу.

Надежда нажала остановку.

— Кто?

— Муж. Молоко убежало бы — он сначала снял кастрюлю, потом вытер. А эти стоят и смеются.

Тамара сняла манжету сама. Глаза у неё были сухими.

— Реакция усилила собственное воспоминание, — сказала Надежда. — Это допустимо.

Посидите несколько минут.

— Я не знала, что помню, как он вытирал плитку.

— Теперь знаете.

— Это моё?

— Если вы помнили мужа до сеанса, прокат не может ответить, какая деталь пришла откуда.

Тамара нахмурилась.

— Удобно.

Так же сказала Марина. Надежда принесла воды.

Тамара выпила и записалась на индивидуальный подбор — не за весёлой кухней, а за эпизодом спокойного присутствия после утраты. Егор выбрал память о ночном ожидании родственника на вокзале. Учитель потребовал каталог воспоминаний о труде. Подруги решили вернуться позже, а мужчина с ложкой записался на оценку собственного предмета и остался недоволен, что это не считается выдачей.

Трое из шести. Орлов получил своё число, хотя ни один не выбрал то, за чем пришёл.

После обеда Надежда расширила больничную подборку до десяти карточек. Добавила четыре закрытых описания, поставив красную пометку «только для презентации, сеанс запрещён». ПФ-17 в список не включила.

Затем открыла его электронную карточку и нажала «снять резерв».

Система спросила причину. Она выбрала «ошибка основания». На экране появилось: «Резерв будет снят после подтверждения ответственным сотрудником».

Ответственным сотрудником значилась она сама.

Второе согласование требовалось для выдачи, но для снятия хватало одного нажатия. Надежда смотрела на кнопку подтверждения. В больнице Вера могла сегодня узнать женщину с расчёской, могла назвать её Надей, могла не пустить в палату. Ни один исход не изменял правил, которые Надежда утром прочитала шести людям.

Телефон зазвонил раньше, чем она нажала.

— Надежда Сергеевна? Это пост третьего отделения. Веру Сергеевну завтра переводят в корпус на Лесной. Нужно забрать личные вещи, которые не поместятся в тумбочку.

— Почему переводят?

— Решение врача. Там длительное наблюдение.

— Мне никто не говорил.

— В карте указан контакт сына. Возможно, ему звонили.

Антон она не видела четыре месяца. Он отвечал на сообщения через день и каждый разговор сводил к квартире.

— Сегодня я могу приехать?

— До семи. Но Вера Сергеевна после обеда тревожная. Всё спрашивает, когда Соня вернётся.

Надежда встала так резко, что стул ударился о шкаф.

— Кого?

— Соню. Может, родственница? У нас в контактах нет.

— У нас нет Сони.

— Тогда соседка из прошлого. Вы не волнуйтесь, они часто называют старые имена.

— Она раньше называла это имя?

— Я не знаю, я вторую смену с ней. Заберёте халат и цветы искусственные, хорошо? Живые нельзя перевозить.

Надежда положила трубку. Имя могло быть любым. Вера преподавала в школе и знала десятки Сонь. У неё была двоюродная сестра Софья, умершая до рождения Надежды. Санитарка могла расслышать неправильно.

На экране всё ещё ждало подтверждение снятия резерва.

Надежда закрыла карточку.

В пять Тимур принёс ключи от хранилища на подпись.

— Орлов уехал в управление, — сказал он. — Велел закрыть ранний фонд на инвентаризацию.

— Когда?

— Сегодня. До проверки.

— В журнале нет приказа.

— Будет завтра.

— Значит, сегодня фонд открыт.

Тимур положил ключи рядом с её рукой.

— Надя, что ты делаешь?

Она впервые за день посмотрела на него не как на архивиста.

— Мать переводят в другой корпус.

— При чём здесь фонд?

— Ни при чём.

— Тогда хороший момент снять резерв.

В коридоре гасили свет. За стойкой регистратор считала кассу, выстраивая монеты башенками. Дом быта постепенно возвращался к своему пустому вечернему виду, в котором все услуги казались закрытыми навсегда.

— Вера сегодня спрашивала Соню, — сказала Надежда.

Тимур нахмурился.

— Кто это?

— Не знаю.

— А в пакете?

— Имя донора скрыто.

— Ты его ещё не выдавала?

Надежда не ответила.

Тимур забрал ключи со стола.

— Ранний фонд закрывается в шесть.

— Всё хранилище закрывается в шесть.

— Сегодня раньше.

— По устному поручению, которого ты не слышал лично?

Он сжал связку. Красная нитка на его запястье съехала к ладони.

— Если я оставлю ключи, это будет не твоя одна подпись.

— Я ничего не прошу оставлять.

— Поэтому и спрашиваю, что ты делаешь.

Надежда взяла пальто.

— Забираю больничную подборку для проверки на месте.

— Она в десяти карточках.

— Один пакет мог бы заменить презентацию.

— Орлов запретил ПФ-17.

— Он запретил демонстрацию.

— А ты собираешься устроить что?

Регистратор за стойкой перестала считать монеты. Надежда понизила голос.

— Вводный сеанс. В присутствии специалиста.

— Для кого?

— Для матери.

Тимур закрыл глаза, будто получил слишком яркий отклик.

— У тебя есть её согласие?

— Есть доверенность на бытовые решения.

— Это не согласие.

— Она соглашалась на прокат раньше.

— На этот пакет?

— На услугу.

— Ты утром сама объясняла, что один пакет нельзя подменить другим.

— Я объясняла клиентам риски.

— А себе?

Надежда застегнула пальто. В кармане хрустнула квитанция.

— Если после перевода она перестанет говорить, риск станет меньше?

— Нет.

— Если пакет три недели пролежит за закрытой дверью, согласие появится?

— Нет.

— Тогда дело не во времени.

— Именно, — сказал Тимур. — Дело не во времени.

Он положил ключи в карман жилета и ушёл к архиву.

Надежда осталась у стойки. Регистратор снова принялась за монеты, теперь медленно и без звона. В шесть без трёх она заперла кассу и спросила:

— Вы выходите?

— Через минуту.

— Охране сказать?

— Я сама поставлю сигнализацию второго этажа.

Когда входная дверь закрылась, Надежда прошла в оценочную кабину. На крючке висела запасная манжета. По правилам оборудование переносили вдвоём, но для больничных показов существовал дорожный комплект: складной колпак, блок питания, две манжеты и журнал. Чемодан стоял под столом Орлова после прошлогодней выставки.

Кабинет директора был не заперт. На столе лежала городская таблица. Красная линия отставала от зелёной, как вчера. Рядом с ней Орлов оставил служебную записку: «Рост социальных выдач — 15%. Больничный контур — приоритет».

Надежда взяла чемодан. Записка осталась на столе.

У двери хранилища она достала из кармана служебную карту. Электронный замок поставили только на общий вход; внутри ячейки не запирались. Карта Надежды открывала дверь до шести, а часы над косяком показывали пять пятьдесят восемь.

Замок мигнул зелёным.

Тимура в архиве не было. Его куртка исчезла с вешалки, зато на столе лежал журнал раннего фонда. В строке ПФ-17 под ночным резервом стояла запись: «Повторное согласование отсутствует. Выдача запрещена до решения директора». Подписи не было.

Рядом Тимур оставил связку ключей.

Надежда не знала, забыл он её или отказался сделать выбор за неё. Любое объяснение превращало его поступок в часть её решения. Она взяла ключ, открыла ячейку и вынула лоток.

Ткань альбома под бумагой была тёмно-зелёной. На корешке проступало пятно воды. Тесьма завязывалась одним узлом, но Надежда не развязала её. Для сеанса хватало контакта через защитную оболочку.

Она вписала в журнал время: 17:59. Основание: больничная демонстрация. Получатель: заявка пары Власовых. Специалист: Н. С. Крылова.

Строка второго согласования осталась пустой.

По правилам журнал нельзя было выносить из архива. По тем же правилам пакет нельзя было выносить без подписи Орлова. Надежда закрыла ячейку, положила ПФ-17 в чемодан с дорожным аппаратом и защёлкнула замки.

В коридоре часы пробили шесть одним сильным звонком.

Надежда провела картой у выхода. Красный огонёк загорелся раньше, чем она приложила её до конца. Доступ закончился.

Она попробовала ещё раз. Замок не открылся.

Изнутри дверь отпиралась механической кнопкой под пластиковой крышкой. Пользоваться ею разрешалось при пожаре и отказе системы; каждый случай попадал в журнал охраны. Надежда подняла крышку и нажала.

Сигнал прозвучал негромко. Дверь открылась.

На первом этаже охранник смотрел на мигающую точку панели.

— Опять часы спешат? — спросил он.

— На две минуты.

— Что в чемодане?

— Больничная демонстрация.

— В журнал записать?

Надежда поставила чемодан на стойку. Она могла сказать «да» и вписать ПФ-17 настоящим номером. Могла вернуть пакет, позвонить Орлову, Антону, врачу. Могла приехать к Вере без аппарата, собрать халат и искусственные цветы, посидеть рядом, даже если мать назовёт её чужой.

— Дорожный комплект, — сказала она. — Возврат завтра.

Охранник записал только номер чемодана.

На улице начинался мокрый снег. Надежда взяла чемодан обеими руками. Он оказался тяжелее, чем выглядел: аппарат, блок питания, манжеты, журнал и семейный альбом, который она выдала человеку, не подписавшему ничего.

У остановки автобус закрыл двери перед ней. Следующий шёл через двадцать минут. До больницы оставалось меньше часа.

Надежда вызвала такси из автомата у Дома быта и назвала адрес третьего отделения.

Только сев в машину, она заметила на рукаве жёлтую нитку от бирки ПФ-17. Сняла её и зажала между пальцами. По правилам при возврате следовало проверить комплектность: носитель, кассету, бирку и всё, что было выдано вместе с ними.

Надежда не собиралась возвращать лишь одно — надежду, что мать назовёт её дочерью и на этот раз не ошибётся именем.

Глава 3. Мать другой девочки

В такси чемодан поставили в багажник, и всю дорогу Надежде казалось, что водитель увезёт его отдельно.

Она оборачивалась на каждом светофоре. За задним стеклом мокрый снег перечёркивал вывески, автобусные остановки и людей, спешивших домой с пакетами. Водитель дважды спросил, не разбивается ли оборудование. Надежда отвечала, что нет, хотя не знала, что именно может разбиться в семейном альбоме.

У третьего отделения дежурила санитарка Галя. Она увидела чемодан и подняла брови.

— Вещи Веры Сергеевны в такой не поместятся.

— Это с работы.

— А зачем в больницу?

— Демонстрация для персонала.

Ложь получилась готовой, служебной, как строка в журнале. Галя не попросила документ.

— Сегодня лучше не демонстрировать, — сказала она. — Вера Сергеевна собрала тумбочку и решила, что едет на вокзал. Халат надела поверх кофты.

— Она спрашивала Соню?

— Сейчас спрашивает всех подряд. Вас тоже может спросить.

В палате Вера сидела на кровати в халате и одной туфле. Вторая стояла под окном. Искусственные цветы, полотенце и расчёска с подписанной ручкой были сложены в наволочку.

— Мам, куда ты собралась?

— Тихо. Билеты у Лиды.

— Какой Лиды?

— Если не знаешь, нечего спрашивать.

Надежда поставила чемодан у стены.

— Тебя завтра переводят в другой корпус.

— Меня Соня заберёт.

— Кто такая Соня?

Вера посмотрела на неё с раздражением человека, которому мешают помнить простое.

— Дочка.

— Твоя дочка — Надя.

— Надя маленькая.

— А Соня большая?

— Соня всегда опаздывает.

Соседки не было; её кровать застелили чистым бельём. Надежда закрыла дверь. В коридоре провезли тележку, звякнули стаканы. Вера поправила наволочку с вещами.

— Она сказала к шести, — продолжила мать. — Уже темно.

Надежда посмотрела на часы: без четверти семь. ПФ-17 ещё не касался Веры, но имя уже находилось здесь. Это могло означать, что пакет не имел к Соне отношения. Или что Вера знала ту Соню раньше. Или что память приближалась не через аппарат, а через Надежду, которая весь день носила квитанцию возле сердца.

Последняя мысль была глупой. Она всё равно показалась утешительной.

— Я позову врача, — сказала Надежда.

— Зови кого хочешь. Только туфлю найди.

Дежурный врач оказался незнакомым. Молодой мужчина с усталым лицом прочитал карту стоя.

— Сегодня дезориентация сильнее, — сказал он. — Смена обстановки завтра может усилить тревогу. Мы уже связались с сыном.

— Почему с ним, если я прихожу каждый день?

— Он первый контакт.

— Кто решил?

— Так внесено в карту.

— Мать согласилась на перевод?

Врач посмотрел на Надежду поверх листа.

— Она не удерживает информацию о переводе. Согласие оформляет представитель по медицинским вопросам.

— У Антона нет доверенности на медицинские решения.

— Тогда завтра разберётесь с заведующей. Сейчас назначения прежние.

Надежда услышала собственную утреннюю фразу: пережитое не используют для медицинского решения. У неё не было даже пережитого, только надежда на него.

— Можно провести с ней короткий сеанс семейной поддержки? — спросила она.

— Что за сеанс?

— Через прокат воспоминаний. Я специалист.

— Лечебный?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Снизить тревогу перед переводом.

Врач закрыл карту.

— Если это не лечение, я не могу назначить. Если вмешательство — нужно согласие. У вас оно есть?

— Есть согласие на услуги проката, оформленное раньше.

— А сейчас она понимает, что за услуга?

Надежда не ответила.

— Не проводите ничего в отделении без заведующей, — сказал врач. — Завтра после девяти.

— Завтра её уже переведут.

— Значит, согласуете в новом корпусе.

Он вернул карту сестре и ушёл в следующую палату.

Надежда стояла у поста. Можно было позвонить Орлову и получить отказ. Можно было позвонить Антону и получить согласие, которого он не имел права давать. Можно было вернуть чемодан в прокат утром и узнать, почему мать вспомнила Соню сама.

Из палаты донёсся голос Веры:

— Надя! Туфлю нашла?

Надежда вошла.

— Как ты меня назвала?

— Я не тебя. Надя должна туфлю найти.

— Я Надя.

— Тогда ищи.

Туфля стояла на виду под окном. Надежда подала её матери. Вера надела обе, поднялась и сразу села: ноги не удержали.

— Поезд ушёл, — сказала она.

— Ещё нет.

— Ты откуда знаешь?

— Я провожу тебя.

— Мне с чужими нельзя.

Надежда расстегнула чемодан.

Дорожный аппарат был проще стационарного: складная стойка, матовый экран размером с книгу, блок с тремя лампами. На внутренней стороне крышки лежала инструкция. Надежда знала её наизусть, но всё равно прочитала пункт о противопоказаниях. Острое возбуждение. Невозможность сообщить о прекращении сеанса. Выраженная спутанность. Отсутствие актуального согласия.

Подходили все четыре.

Она убрала инструкцию под блок питания.

— Мам, я хочу показать тебе альбом.

— Наш?

— Чужой.

— Тогда зачем?

— Может быть, ты вспомнишь что-то хорошее.

— Чужое хорошее?

Вера усмехнулась. На секунду в её лице появилась прежняя учительница, которая ловила Надежду на плохо выученном правиле.

— Ты можешь отказаться, — сказала Надежда.

— От альбома?

— От сеанса. Я надену тебе на руку манжету. Ты положишь ладонь на пакет. Если станет страшно или неприятно, скажешь «стоп», и я сразу выключу.

— А Соня увидит?

— Что?

— Что я без неё смотрела.

Надежда достала ПФ-17. Тёмно-зелёная ткань проступала через бумагу, на корешке темнел след воды.

— Ты знаешь этот альбом?

Вера потянулась к нему, но Надежда удержала пакет.

— Сначала скажи: ты согласна посмотреть?

— Дай сюда.

— Это не ответ.

— Всегда у тебя всё не ответ.

— Да или нет?

Вера отвернулась.

— Нет.

Слово прозвучало ясно.

Надежда замерла с манжетой в руках. Отказ был действующим, даже если через минуту мать забудет вопрос. Именно это она объясняла родственникам клиентов: способность помнить решение и право принять его — не одно и то же.

Она начала складывать аппарат.

— Ты куда? — спросила Вера.

— Домой.

— А поезд?

— Поезда не будет.

— Соня придёт?

— Не знаю.

Вера посмотрела на альбом.

— Покажи хоть одну.

— Одну фотографию?

— Ну.

- Для этого нужна манжета.
- Надевай. Чего пристала?
- Надежда не двигалась.
- Ты согласна на сеанс?
- Если недолго.

Это было согласие, добытое повторным вопросом после отказа. В любой карточке Надежда назвала бы его сомнительным. Она записала на пустом листе время и фразу Веры дословно. Подпись просить не стала.

Аппарат включился от розетки у тумбочки. Первая лампа загорелась зелёным, вторая — жёлтым. Третья отвечала за заземление и мигала. Надежда переставила вилку. Лампа выровнялась.

Она усадила Веру глубже на кровать, сняла туфли, пристегнула манжету к левому запястью. Себе надела вторую — специалист должен был чувствовать перегрузку, но не содержание эпизода. В стационаре за клиентом наблюдали через стекло. Здесь между ними стоял только чемодан.

- Как тебя зовут? — спросила Надежда.
- Вера.
- Где ты?
- На вокзале.
- Посмотри вокруг.
- Вера оглядела палату.
- В больнице.
- Если станет неприятно?
- Скажу.
- Какое слово?
- Надя, не мучай.

Она назвала имя дочери. Надежде следовало остановиться на этом. Она положила ПФ-17 под экран и опустила ладонь матери на бумажную оболочку.

Сначала ничего не произошло.

Вера смотрела на собственные пальцы. Жёлтая лампа дрогнула. Надежда почувствовала через манжету слабую тяжесть, как перед лифтом, который ещё не пришёл.

Потом мать вдохнула.

- Окно открыто, — сказала она.
- Здесь закрыто.
- Занавеску подними. Она застрянет.

Её пальцы прижались к пакету. На экране появилось мутное светлое пятно, не изображение, а изменение освещения. Надежда проверила пульс на запястье свободной рукой.

- Вера, где ты?
- Дома.
- В каком доме?
- Не мешай.

Губы матери шевельнулись в беззвучном счёте. Потом она улыбнулась кому-то, кто находился за плечом Надежды.

- Всё-таки приехала.
- Надежда обернулась. Дверь была закрыта.
- Кто приехал?
- Сними пальто, Соня. Натоптала уже.
- У Надежды похолодели ладони.
- Это я.

— Вижу.

— Кто я?

— Дочь моя бестолковая.

Вера засмеялась и потянула Надежду за рукав. Движение было знакомым: так она в детстве усаживала дочь рядом, когда расчёсывала ей волосы. Но взгляд принадлежал другому времени. В нём не было ни больничной настороженности, ни усилия узнать. Мать видела её полностью и ошибочно.

— Как меня зовут? — спросила Надежда.

— Соня. Ты что, в дороге имя потеряла?

Надежда должна была нажать остановку. Вместо этого она села на край кровати.

— Я задержалась?

— На два года.

— Почему?

— Сама знаешь.

— Скажи.

Вера погладила её рукав. В палате запахло мокрой шерстью, хотя пальто Надежды висело у двери. Потом пришёл другой запах — печёные сливы и горелый сахар.

— Худущая, — сказала мать. — Там вас не кормят?

— Где?

— Не начинай. Вернулась — и ладно.

Надежда почувствовала через манжету нарастающую тяжесть. Сеанс длился две минуты двадцать секунд. Для ПФ-17 в электронной карточке не было предельного времени.

— Ты ждала меня? — спросила она.

— Я пирог испортила.

— Какой пирог?

— Твой. Сливовый. Задумалась и передержала.

Вера смотрела на неё с такой простой виноватой радостью, что Надежда перестала слышать аппарат. Мать знала взрослую дочь. Видела, что та похудела. Сердилась за мокрый пол. Прощала отсутствие, о котором Надежда ничего не знала.

Это было всё, чего она хотела, кроме имени.

— Мам, скажи «Надя».

Улыбка исчезла.

— Зачем?

— Потому что меня зовут Надя.

— Опять ты за своё.

— Посмотри на меня. Я Надежда. Твоя дочь.

Вера отняла руку от пакета, но аппарат не отпустил сразу. Жёлтая лампа вспыхнула. Мать зажмурилась и схватилась за край кровати.

— Стоп, — сказала Надежда и ударила по кнопке.

Экран погас. Запах слив остался.

Вера открыла глаза.

— Соня?

— Я здесь.

Ответ вырвался раньше мысли.

Мать обняла её. Не сильно — руки у Веры ослабли, — но без сомнения. Надежда уткнулась лицом в серую больничную кофту. От неё пахло мылом и лекарствами, не мокрой шерстью. Вера гладила дочь по затылку чужим утешительным движением.

— Не плачь, — сказала она. — Я больше не буду спрашивать, почему не писала.

Надежда не плакала. Она сидела неподвижно, чтобы не потерять объятие.

Через минуту дверь открыла Галя.

— А вы чего в темноте? Я свет в коридоре выключаю.

Она увидела аппарат.

— Это и есть демонстрация?

— Уже закончилась.

— Вера Сергеевна, как вы?

Вера не выпустила Надеждин рукав.

— Дочь приехала.

Галя улыбнулась.

— Вот хорошо. Узнали Надю.

— Это Соня, — сказала Вера.

Улыбка санитарки стала осторожной.

— Конечно. Вам лучше знать.

Надежда сняла с матери манжету. На коже осталась красная полоса. Пульс был частым, но ровным.

— Ночью наблюдайте за ней, — сказала Надежда. — Может усилиться тревога, появиться чужие бытовые привычки или повторяющийся образ дома.

— Записать врачу?

Если Галя запишет, утром спросят разрешение на сеанс. Если не запишет, изменения могут принять за ухудшение болезни.

— Запишите: проведён эмоциональный сеанс, реакция стабильная. Специалист Крылова.

— Разрешение у заведующей было?

— Документы принесу утром.

Галя посмотрела на часы.

— Только утром её уже увезут.

— Во сколько?

— Антон Сергеевич сказал, к восьми приедет.

Надежда достала телефон. У Антона было три пропущенных от неё за последние две недели и ни одного сегодняшнего звонка.

— Он здесь был?

— Нет, по телефону всё устроил.

Вера потянула дочь за рукав.

— Соня, пирог.

— Какой?

— Я же сказала. Сливы в кладовке, под газетой. Только косточки вынь. В прошлый раз одну оставила, отец зуб сломал.

У Веры никогда не было кладовки. В квартире на Речной продукты держали в кухонном шкафу и на застеклённом балконе. Её отец носил съёмный протез задолго до Надеждиного рождения; история со сломанным зубом могла принадлежать кому угодно.

— У нас нет слив, — сказала Надежда.

— Купи.

— Сейчас март.

— В банке возьми. Я закрывала.

— Ты не закрывала сливы.

— Опять споришь.

Галя подняла наволочку с вещами.

— Это забирать будете?

— Да.

Надежда сложила аппарат. ПФ-17 всё ещё был тёплым через бумагу. На экране блока высветилось время сеанса: 03:41. Под ним мигала строка «остаточный профиль не определён».

В карточке значилось от пяти до семи дней. Карточка могла ошибаться так же, как воспоминание.

— Ты придёшь утром? — спросила Вера.

— Приду.

— С пирогом?

— Не успею испечь.

— Всегда не успеваешь. Тогда слив принеси, там сделаем.

— В новом корпусе нельзя печь пироги.

— Какой ещё корпус?

Тревога вернулась сразу. Вера откинула одеяло.

— Ты меня куда-то сдаёшь?

— Нет. Тебя переводят, чтобы наблюдать дольше.

— Соня, не отдавай меня.

Она произнесла это тихо, без чужой материнской уверенности. Теперь память работала в другую сторону: дочь вернулась, чтобы снова уйти и забрать мать из дома.

Надежда села рядом.

— Сегодня ты остаёшься здесь. Я приду утром.

— Обещаешь?

— Да.

— Пирог не забудь.

— Не забуду.

Галя дала Вере вечернее лекарство и дождалась, пока та ляжет. Надежда не спрашивала, что это: назначения не изменились, а знание названия не сделало бы её решение правильнее. Она убрала чемодан под стул и сидела, пока мать не заснула.

Во сне Вера дважды сказала «Сонечка» и один раз — «закрой окно». Надежда закрыла форточку, хотя та и так была закрыта.

В коридоре она позвонила Антону. Он ответил после пятого гудка.

— Что случилось?

— Почему ты переводишь маму без меня?

— Я никого не перевожу. Врач предложил место на Лесной. Там дешевле, если оформлять длительно.

— Это не ответ.

— Надь, я на работе.

— В восемь утра?

— Сейчас тоже на работе. У некоторых она заканчивается не по звонку.

— У тебя нет доверенности на медицинские решения.

— У тебя тоже. Зато я хотя бы поднял трубку, когда позвонили.

Надежда прижала телефон к уху сильнее.

— Отложи перевод до разговора с заведующей.

— Место уйдёт.

— Пусть.

— И кто будет платить за нынешнее отделение? Твой прокат?

— Я буду.

— Из чего?

— Это не твоё дело.

— Квартира наше дело. Если продать сейчас, хватит на нормальный уход.

— Мама не давала согласия на продажу.

— Мама сегодня даёт одно согласие, завтра другое. Поэтому нужны документы.

Надежда посмотрела на дверь палаты. Вера согласилась на сеанс после того, как отказалась. Антон говорил о том же механизме, только без манжеты.

— Ничего не подписывай до моего приезда, — сказала она.

— Я тебя ждать не буду.

— Тогда я буду там раньше.

Она отключилась.

У поста Галя заполняла журнал. Надежда увидела строку: «18:55, эмоциональная процедура родственником, после — узнаёт дочь как Соню, просит сливовый пирог».

— Не «родственником», — сказала Надежда. — Специалистом проката.

— Но вы же дочь.

— Для процедуры — специалист.

— А для неё?

Галя кивнула на палату.

Надежда взяла ручку и дописала номер служебного удостоверения. Ответа в журнале не требовалось.

На улице снег перешёл в дождь. Такси она не вызвала: денег оставалось немного, а чемодан можно было довести автобусом. На остановке Надежда открыла наволочку с мамиными вещами. Среди полотенца и искусственных астр лежала расчёска. На ручке расплылась написанная фамилия, сохранилась только первая буква — «К».

Телефон завибрировал. Сообщение пришло с рабочего номера Тимура: «ПФ-17 утром должен быть в ячейке до открытия. В журнале охраны номер пакета не указан».

Надежда перечитала дважды. Это не было ни помощью, ни угрозой. Тимур сообщал границу, до которой нарушение ещё можно было спрятать внутри учреждения.

Она набрала: «Сеанс проведён».

Ответ появился сразу: «С кем?»

Надежда не написала «с матерью». Не написала «с Соней». Убрала телефон.

В автобусе чемодан занял место у окна. Пассажиры косились, но никто не просил уступить. Надежда держала его за ручку и вспоминала, как Вера сказала: «Дочь моя бестолковая». В этой фразе всё было чужим — имя, возвращение, два года отсутствия, запах слив. Кроме интонации. Интонация принадлежала её матери так убедительно, что Надежда не могла отделить её от собственной радости.

Возле дома ещё работал магазин. На полке стояли банки сливового компота, густого и слишком светлого. Надежда купила три, сахар и пачку муки. Она не знала рецепта. Вера никогда не пекла сливовый пирог, предпочитала яблочную шарлотку и всегда жаловалась, что тесто садится.

Дома Надежда поставила банки на кухонный стол, рядом с чемоданом. Потом нашла старую тетрадь рецептов. Между «огурцами по-болгарски» и «кексом столичным» сливового пирога не было.

Она могла поискать рецепт у соседки, в журнале или спросить Веру утром. Но мать просила не какой-нибудь пирог. Она просила тот, который ждала другая женщина для другой дочери.

Надежда открыла первую банку. Сливы пахли сладкой водой и железной крышкой. Она вынула косточки, как велела мать, и разложила половинки на тарелке.

В чемодане лежал альбом ПФ-17. Вернуть его следовало до открытия проката. По правилам вместе с носителем возвращалось всё, что было выдано.

Запах печёных слив выдан не был. Он остался у Веры, а теперь, казалось, стоял на кухне Надежды.

Она достала миску и начала замешивать тесто.

Глава 4. Бирка без донора

Пирог не пропёкся.

Сверху сливы потемнели и втянулись в тесто, по краям образовалась корка, а середина под ножом оказалась тяжёлой и влажной. Надежда поставила форму обратно в духовку, хотя до первого автобуса оставалось сорок минут. На кухонном столе лежал ПФ-17. Бумажная обложка успела остыть, но сладкий запах держался рядом с ней так настойчиво, будто исходил не из духовки.

Вера просила принести пирог утром. Тимур требовал вернуть пакет до открытия. Одно обещание было дано матери, которая называла Надежду чужим именем. Другое не было обещанием вовсе: рабочее сообщение, граница допустимого, последняя возможность положить вещь на место прежде, чем отсутствие заметят другие.

Надежда завернула форму в два полотенца и поставила у двери. Потом посмотрела на часы и оставила её там.

На улицу она вышла с чемоданом. Дождь за ночь смыл рыхлый снег, на тротуаре стояла чёрная вода. Колёса чемодана цеплялись за выбоины, и внутри позвякивали металлические зажимы. На каждой ступеньке Надежда ждала, что бумажный пакет треснет, хотя ПФ-17 пережил паводок, переезды и годы в архиве. Его могла погубить не вода. Его могла погубить запись.

Первый автобус пришёл пустым. В салоне пахло мокрой резиной и остывшим табаком от куртки водителя. Надежда села возле задней двери и держала чемодан между коленями. За стеклом проплыли закрытая булочная, киоск с газетами и больничная ограда. В одном из тёмных окон могла лежать Вера и ждать Соню со сливовым пирогом.

Надежда не вышла.

Она сказала себе, что сначала вернёт оборудование, потом заберёт пирог и приедет к переводу. Если Антон явится к восьми, она успеет раньше. Если Тимур прав и отсутствие ПФ-17 обнаружат при открытии, никакого второго сеанса уже не будет — ни законного, ни незаконного.

Прокат занимал первый этаж бывшего Дома быта. Свет в витринах не горел. Надежда обошла здание со двора и приложила служебную карточку к серой двери. Замок коротко пискнул. В журнале охраны появилось время входа — 06:47. Рядом с её вчерашним выходом стояла строка без номера вынесенного пакета.

Тимур сидел в архивной комнате в свитере поверх рубашки и пил чай из стакана с металлическим подстаканником. Настольная лампа освещала только его руки и раскрытый журнал. Он поднял глаза на чемодан.

— Поздно, — сказал он.

— До открытия больше часа.

— Я не про часы.

Надежда поставила чемодан на стол для приёмки. Тимур не помог открыть замки. Она вынула блок, манжеты, кабели, затем ПФ-17. На бумаге осталась едва заметная вмятина от Вериних пальцев. Возможно, она была и раньше.

— С кем? — спросил Тимур.

— Ты знаешь.

— Я знаю, что был сеанс. Остальное хочу услышать не потому, что любопытный.

— С Верой Сергеевной Крыловой.

— Степень родства?

— Мать.

— Состояние?

— Стабильное.

Тимур отодвинул чай.

— Состояние до сеанса.

— Нарушение памяти. Тревога из-за перевода.

— Согласие врача?

— Нет.

— Согласие клиента?

Надежда расстегнула манжету, хотя та уже лежала отдельно.

— Она сначала отказалась. Потом согласилась на короткий сеанс.

— После повторного предложения?

— Да.

— Узнала тебя?

— Назвала дочерью.

— Как тебя зовут?

Надежда посмотрела на него.

— Не устраивай проверку.

— Как тебя назвала мать?

— Соней.

Тимур закрыл журнал. В тишине за стеной гудел старый холодильник, где держали термочувствительные плёнки. Надежда ждала упрёка, но архивист взял ПФ-17 за края, понёс к световому столу и включил нижнюю лампу.

— Оболочку не вскрывала?

— Нет.

— Влага?

— Нет.

— Механические повреждения?

— Нет.

— Остаточный профиль на аппарате?

— Не определён.

— Время?

— Три минуты сорок одна секунда.

Он записал цифры на лист приёмки. До графы «основание выдачи» дошёл и остановился.

— Какую заявку ты использовала?

— Больничную демонстрацию.

— Там разрешены только зелёные пакеты.

— Знаю.

— А этот никогда зелёным не был.

Тимур перевернул ПФ-17. В углу бумажной оболочки находилась выцветшая бирка: синий прямоугольник, номер фонда и буква «И». Поверх неё много лет назад наклеили белую полосу с прокатным кодом. Правый край полосы отстал. Тимур подцепил его ногтем, но не сорвал.

— Вчера ты сказала, что карточка закрыта из-за жалобы, — проговорила Надежда.

— Я сказал, что бумажная жалоба лежит в деле. Не что дело чистое.

— Ты проверял согласие?

— Ночью.

Он открыл нижний ящик и достал серую папку, стянутую тесёмками. На обложке было написано от руки: «ПФ. Семейные носители. 14–23». Поверх старой надписи стоял штамп проката и дата, поставленная через девять лет после первых листов.

— Почему папка у тебя, а не в общем архиве?

— Потому что утром я собирался отдать её Орлову вместе с актом списания.

— До проверки?

— Именно до проверки. Списанное тоже проверяют, но уже как имущество, которое не выдаётся людям.

Тимур развязал тесёмки. Внутри лежали кальки, квитанции, акты с расплывшимися печатями. Бумага пахла пылью и сырой фанерой. Он нашёл разделитель «17» и положил перед Надеждой три листа.

Первый назывался «Согласие участника восстановительного исследования». Имя было вписано с нажимом: Софья Павловна Веденеева. Год рождения, адрес в районе речного порта, перечень предметов — фотоальбом, скатерть, жестяная коробка. Ниже шёл печатный текст о фиксации эмоциональных реакций для изучения последствий паводка и помощи пострадавшим в восстановлении утраченных семейных связей.

Надежда прочитала лист дважды.

— Где продолжение?

— На обороте.

На обороте участник разрешал хранение исследовательского образца пять лет, обезличенное описание результатов и однократное воспроизведение в присутствии специалиста. О платной выдаче, прокате или передаче третьим лицам не было ни слова.

Подпись Софьи стояла внизу. Возле подписи сотрудника сохранились две буквы фамилии и размазанная синяя линия.

— Пять лет закончились, — сказала Надежда.

— Семь лет назад.

— А продление?

Тимур подвинул второй лист. Это была внутренняя ведомость перевода исследовательских материалов в городской фонд. В графе согласий стоял знак, похожий на галочку. Третий лист оказался актом включения ПФ-17 в каталог проката. В строке «правообладатель и основание» было напечатано: «городской восстановительный фонд, согласие первичного владельца имеется».

— Имеется, — повторила Надежда.

— Имелось на исследование.

— Кто менял назначение?

— Комиссия. Орлов в ней был консультантом. Подпись председателя есть, юриста нет.

— Но пакет выдавали.

— Двадцать семь раз по электронной базе. Бумажный журнал начинается раньше, там ещё девять. Может, больше: за первый год страницы слиплись.

Надежда провела пальцем над подписью Софьи, не касаясь бумаги.

— Почему карточка показывала ограничение, а не запрет?

— Потому что при переносе базы букву «И» расшифровали как «индивидуальный». Исследовательский фонд стал индивидуальным прокатом. Потом кто-то заметил жалобу и закрыл выдачу вручную, но код не исправил.

— Кто пожаловался?

— Заявление без подписи. Просили прекратить использовать семейные вещи паводкового фонда. Орлов считает, что это копия, а оригинала никогда не было.

— Может, заявление не от Софьи.

— Может. Это ничего не меняет в согласии.

Надежда снова увидела Веру на больничной кровати. «Дочь моя бестолковая». Потом — улыбку, исчезнувшую при слове «Надя». Чужая подпись не разрешала этого объятия. Но отсутствие разрешения не делало объятие ненастоящим для той минуты.

— Она жива? — спросила Надежда.

— В деле нет свидетельства о смерти.

— Адрес старый.

— Район порта расселяли после паводка. Справочное бюро найдёт, если есть основание для служебного запроса.

— У нас есть основание.

— У нас есть основание прекратить выдачу.

Тимур достал из папки бланк акта. Поля уже были заполнены: ПФ-17, нарушение документального основания хранения, невозможность подтвердить действующее согласие, рекомендация перевести в изолированный фонд до решения комиссии. Не уничтожить — списать с прокатного баланса.

— Подпиши как оценщица, — сказал он. — Я подпишу как архивист. В восемь Орлов получит готовый акт.

— А исследование происхождения?

— После изоляции.

— Его уберут в подвал.

— Там сухо.

— Ты понимаешь, что в нём есть что-то от моей матери?

— Я понимаю, что твоя мать после сеанса назвала тебя именем женщины, чья подпись не разрешает прокат.

— Она называла Соню до сеанса.

Тимур впервые отвёл взгляд.

— Откуда ты знаешь?

— В больнице сказала. До того, как я включила аппарат.

— Тогда тем более нужно остановиться.

— Нет. Нужно понять связь.

— Для этого ты вынесла пакет?

— Я вынесла его, потому что мать перестала меня узнавать.

— А теперь нашла причину задним числом.

Надежда придвинула акт к себе. В строке для подписи помещались фамилия и дата. Если она подпишет, нарушение останется в больничном журнале и в строке охраны, но сам ПФ-17 исчезнет из выдачи. Орлов сможет сказать проверяющей, что ошибка найдена и исправлена. Тимур сохранит носитель. Софью, если она жива, когда-нибудь разыщут.

Вера забудет чужой пирог через несколько дней. Возможно, забудет раньше. Возможно, остаточное чувство удержится и без пакета, как запах в кухне после закрытой духовки.

— Акт не объясняет вчерашнюю выдачу, — сказала Надежда.

— Вчерашней выдачи в базе нет.

— Есть вход и выход, есть больничный журнал.

— Если спросят, скажешь правду.

— А сейчас предлагаешь оставить базу ложной.

— Сейчас я предлагаю не сочинять ещё один документ, чтобы прикрыть первый.

— Списание тоже прикроет.

Тимур выдохнул и постучал пальцем по акту.

— Оно остановит следующие нарушения. Это не одно и то же.

В коридоре щёлкнул выключатель. Пришла уборщица. Скоро появится администратор, потом первая смена и клиенты, которые будут отдавать чужие воскресенья в окошко возврата. Надежде нужно было ехать в больницу. Пирог остывал у двери квартиры. Антон мог уже подписывать бумаги о переводе.

— Дай мне неделю, — сказала она.

— Для чего?

— Найти Софью Веденееву.

— Служебный поиск требует подписи Орлова.

— Найду без служебного.

— Это ещё одно использование данных не по назначению.

— Адрес двенадцатилетней давности не данные, а направление.

— Для тебя все запреты становятся направлениями, когда речь о матери.

Надежда взяла ручку, но акт не подписала.

— Если Софья подтвердит согласие, списание будет преждевременным.

— Она должна подтвердить коммерческую выдачу своих переживаний незнакомым людям. После того как её пакет уже выдавали тридцать шесть раз. Как думаешь, разговор начнётся с благодарности?

— Не знаю.

— А если запретит?

Надежда промолчала.

— Вот поэтому неделя тебе нужна не для согласия, — продолжил Тимур. — Тебе нужна неделя, пока отказ ещё не произнесён.

Он был прав, и именно это сделало разговор невыносимым. Надежда положила ручку.

— ПФ-17 нельзя оставлять в прежней ячейке, — сказал Тимур. — Код засвечен в ночном запросе. Утром система покажет несоответствие статуса.

— Тогда куда?

— В изолятор. По акту.

— А без акта?

— Никуда.

На дальнем стеллаже стояли серые коробки возвратной обработки. Туда попадали носители с повреждённой оболочкой, спорным остаточным профилем или жалобой клиента. На время проверки им присваивали код «ВО», и система не показывала их в каталоге, но они оставались на балансе проката. Решение о повторной выдаче принимала оценщица после осмотра и подписи архивиста.

Надежда посмотрела на лист приёмки. Тимур тоже понял, куда она смотрит.

— Нет, — сказал он.

— Остаточный профиль не определён.

— Это показание дорожного аппарата, а не дефект носителя.

— Оболочка деформирована.

— Ты только что сказала, что повреждений нет.

— Вмятина у контактного поля.

— След пальцев не повреждение.

— Пока мы не проверили, это неизвестно.

— Надя.

Он редко называл её сокращённо. Обычно говорил «Крылова», даже когда они вдвоём таскали коробки после протечки. Сейчас её имя прозвучало как последний способ вернуть ей собственную роль.

— Вера сказала «Соня» до сеанса, — ответила Надежда. — В карточке есть её старый район. Моя мать работала на складе после паводка. Это не только пакет чужой семьи.

— Возможно. Но связь не даёт тебе права держать его доступным.

— Я не оставляю доступным. Перевожу на обработку.

— Чтобы потом самой снять ограничение.

— Чтобы установить происхождение.

— В электронной форме нет такого основания.

— Есть «расхождение документального и сенсорного описания».

Тимур встал. Он был выше Надежды, но рядом со стеллажами всегда сутулился, будто архив требовал от людей уменьшаться. Он забрал ПФ-17 со светового стола и держал перед собой.

— Если я сейчас уберу его в изолятор, ты взломаешь ячейку?

— Нет.

— Вынесешь без записи ещё раз?

— Нет.

— Это ответы специалиста или дочери?

— Специалиста.

— Тогда подпиши акт.

Из приёмной донёсся скрежет ведра. Уборщица включила радио, диктор сообщил температуру и уровень воды в реке. Весеннего паводка не ожидалось: снег сошёл медленно, водохранилище принимало запас. Обычный прогноз на обычное утро. Двенадцать лет назад такие же цифры могли прозвучать слишком поздно.

Надежда открыла электронную карточку ПФ-17 на архивном терминале. Красная строка сообщала: «Выдача ограничена. Основание: обращение правообладателя». Ниже оставалось активным меню обработки.

Она выбрала смену состояния.

— Не делай этого, — сказал Тимур.

— Ты сам сказал: в прежней ячейке оставить нельзя.

— Я сказал списать.

— Для списания нужны две подписи. Моей не будет.

Поля открылись одно за другим. Старый код хранения: «ИП-4-17». Новый: «ВО-ДСО». Причина: расхождение документального и сенсорного описания. Требуемая проверка: происхождение первичного профиля, состояние оболочки, идентификация владельца. Ответственный оценщик: Крылова Н. С.

Система запросила номер физической бирки.

Надежда взяла из лотка жёлтую полоску, написала новый код и дату. Рука дрогнула только на последней цифре. Она наклеила бирку не поверх старой, а рядом, оставив видимыми и синюю букву «И», и поздний прокатный номер.

— Теперь несоответствия нет, — сказала она.

— Теперь есть документ о том, что пакет был у тебя сегодня утром.

— Должен быть.

— И срок проверки — пять рабочих дней.

— За пять дней можно найти Софью.

— Или ещё раз отвезти пакет в больницу.

Надежда нажала «сохранить». Терминал потребовал подтверждение архивиста.

Они смотрели на экран. Без Тимуровой карточки операция останется черновиком, ПФ-17 будет числиться в прежней ячейке, а утренняя сверка обнаружит его на столе. Тимур мог позвать Орлова, охрану или просто положить носитель в изолятор. Никакой ключ Надежда теперь не успела бы взять незаметно.

— Я не прошу скрыть, — сказала она. — Наоборот.

— Ты просишь меня оформить твою отсрочку.

— Оформить расхождение. Оно есть независимо от моей матери.

— Вчера ты воспользовалась дырой в учёте. Сегодня превращаешь дыру в служебную задачу.

— Да.

Тимур ждал оправдания. Надежда могла сказать, что Вера впервые обняла её за месяцы, что никакой акт не измеряет это объятие, что прокат существует именно ради одиноких людей

и утраченной близости. Так говорил бы Орлов. От этого нарушение стало бы полезным, но не перестало бы быть нарушением.

— Я провела сеанс после запрета врача, — сказала она. — Согласие Веры было сомнительным. Согласия Софьи на прокат нет. Я внесу это в объяснительную. Но пакет связан с Верой до вчерашнего сеанса. Если мы спишем его сейчас, связь останется в подвале вместе с ошибкой.

— А если связь тебе только кажется?

— Тогда проверка это покажет.

— За пять дней?

— Покажет, что я не успела.

Тимур взял служебную карточку. Несколько секунд тёр большим пальцем угол пластика, потом приложил к считывателю.

На экране появились две фамилии: Крылова, Сафин. Время изменения — 07:26.

— Это не разрешение на выдачу, — сказал Тимур.

— Знаю.

— И не согласие на поиск человека по архивному адресу.

— Знаю.

— Я сегодня передам Орлову копию карточки Софьи и акт без твоей подписи.

— Передавай.

— Он снимет тебя с оценки.

— Возможно.

— Тогда пяти дней у тебя не будет.

Надежда распечатала квитанцию смены кода. Тонкая бумага выползла из терминала с тёплыми серыми буквами. Она подписала её и положила один экземпляр в папку ПФ-17, другой — в журнал приёмки. Затем вписала вчерашний вынос дорожного аппарата и номер пакета в пустую строку охраны. Время задним числом система принять не могла, поэтому рядом она поставила фактическое время внесения и ссылку на объяснительную.

Тимур наблюдал молча.

— Теперь поздно? — спросила Надежда.

— Теперь по-другому поздно.

Он отнёс ПФ-17 к серым коробкам возвратной обработки. Ячейка «ВО-ДСО» находилась на уровне груди. Тимур положил пакет горизонтально и закрепил дверцу пластиковой пломбой. Номер пломбы Надежда внесла в карточку.

Пакет остался в здании. Впервые с момента больничного сеанса ей стало легче дышать, и это облегчение показалось подозрительным: она не исправила нарушение, только сделала его видимым.

На часах было половина восьмого.

— Мне нужно к матери, — сказала она.

— А объяснительная?

— Напишу из больницы.

— Служебные документы из больницы не пишут.

— Тогда после перевода.

— Ты опять ставишь одно раньше другого.

— Да.

Надежда закрыла чемодан. Он стал лёгким без блока и пакета, но колёса всё равно гремели по коридору. У выхода она остановилась.

— Почему ты подтвердил?

Тимур уже снова сидел у журнала.

— Потому что акт списания без подписи оценщика тоже стал бы дырой. И потому что слово «исследование» в согласии должно хоть что-то значить.

— Спасибо.

— Не благодари. Найди донора раньше Орлова.

На улице начался мелкий дождь. Надежда позвонила Антону. Телефон был занят. Она набрала больничный пост; никто не ответил. До дома пешком десять минут, ещё пятнадцать до больницы на автобусе, если тот придёт сразу.

Она побежала за пирогом.

Форма стояла у двери там, где она её оставила. Полотенца сохранили немного тепла. Надежда не стала проверять середину и не переложила пирог на блюдо. Взяла форму обеими руками и снова вышла.

На лестнице позвонил Тимур.

— Орлов приехал, — сказал он.

— Рано.

— У него на столе распечатка ночных входов. Он спрашивает, почему ПФ-17 сменил код.

Надежда прижала телефон плечом. Под полотенцем форма обжигала ладонь через хватку.

— Покажи ему карточку согласия.

— Уже показал.

— И что?

— Он спрашивает, кто такая Вера Крылова и почему её имя есть в больничном журнале рядом с номером нашего специалиста.

Внизу хлопнула подъездная дверь. Надежда увидела через окно, как к дому подъехала машина Антона. Он вышел, не заметил сестру на лестнице и открыл багажник. Внутри лежала сложенная инвалидная коляска.

— Скажи Орлову, что объяснительная будет сегодня, — ответила она.

— Он требует тебя к восьми.

— В восемь переводят мою мать.

— Я так и сказал.

— Что он ответил?

— Что семейные обстоятельства не меняют код хранения.

Надежда посмотрела на пирог, на машину брата, на мокрый двор. Ещё вчера ПФ-17 можно было вернуть в ячейку и оставить всё произошедшее между больничной строкой и молчанием Тимура. Теперь в системе стояли две подписи, новый код и её имя как ответственной за проверку. Нарушение получило дату, пломбу и срок.

— Код уже изменён, — сказала она. — Поэтому теперь семейные обстоятельства придётся читать вместе с ним.

Она отключилась и пошла навстречу Антону, держа чужой сливовый пирог перед собой, как вещь, которую нельзя ни спрятать, ни выдать за доказательство.

Глава 5. Брат по телефону

Антон захлопнул багажник прежде, чем заметил Надежду. Инвалидная коляска внутри успела звякнуть металлической подножкой, словно сама напомнила, зачем он приехал. Потом он увидел сестру на крыльце — с формой под полотенцем, в расстёгнутом пальто и с мокрыми волосами — и посмотрел не на лицо, а на её руки.

— Это что?

— Пирог.

— Я вижу, что не капельница. Зачем?

Под полотенцем остывало то, что ещё ночью казалось Надежде доказательством. Теперь тесто просело в середине, сливовый сок проступил у края тёмным полукругом. Она могла сказать, что Вера попросила. Тогда пришлось бы объяснить, почему попросила именно сливовый и чьё возвращение собиралась праздновать.

— Маме, — ответила Надежда.

Антон открыл заднюю дверь машины и положил на сиденье папку. Прозрачный уголок не скрывал заголовка: «Доверенность». Ниже лежала копия паспорта Веры.

— В семь сорок утра?

— Перевод же утром.

— Поэтому я привёз коляску, вещи и договорился с заведующей. А ты принесла выпечку.

— Мы оба необыкновенно полезны.

Антон не улыбнулся. За два года он научился не отвечать на её короткие колкости, и это раздражало сильнее прежних ссор. Раньше он повышал голос, уходил, через неделю звонил будто ничего не было. Теперь говорил ровно, сохранял сообщения и приезжал с папками.

— Садись, — сказал он. — Опоздаем.

— Я на автобусе.

— Надя, форма у тебя в руках. Куда ты с ней сядешь?

Он произнёс её имя без просьбы и без тепла, как диспетчер назвал бы остановку. Надежда устроилась рядом с коляской. Пирог пришлось держать на коленях. Антон включил дворники, и щётки размазали дождь по стеклу, не очистив его с первого раза.

Машина пахла новой пластмассой и мятными леденцами. Раньше у Антона была старая «девятка» с пятном машинного масла на пассажирском коврике. Эту Надежда видела впервые.

— Купил?

— Взял у Вадима.

— Надолго?

— Какая разница?

— Никакой.

Он выехал со двора и сразу заговорил о больнице: новый корпус был восстановительным только по названию, койки там освобождали через десять дней, дальше требовался частный пансион или сиделка. Заведующая согласилась подождать до обеда с окончательным оформлением, если семья представит доверенность на распоряжение пенсией и оплатой ухода. Нотариус мог приехать к одиннадцати. Антон уже договорился.

— Нотариус должен убедиться, что мама понимает, что подписывает, — сказала Надежда.

— Он умеет.

— А ты заранее заполнил текст.

— Юрист заполнил. На меня — оплата лечения и коммунальных расходов. На продажу квартиры отдельно, если понадобится.

— Значит, понадобится.

— Сиделка стоит двадцать восемь тысяч в месяц. Пансион — больше. Её пенсия не покрывает даже половины.

— Квартиру можно сдавать.

— После ремонта. На какие деньги?

— Не продавать же её сейчас.

— Почему сейчас? Мы полгода об этом говорим.

Полгода они говорили по телефону. Антон звонил из машины, с лестницы, со склада, один раз из очереди в банке. Разговор всегда прерывался раньше, чем становилось понятно, кто будет мыть Веру, если она перестанет вставать. Он называл суммы, Надежда называла дни, когда приезжала к матери. Каждый предъявлял свой вид участия и считал чужой недостаточным.

— Вчера она была согласна на перевод? — спросила Надежда.

— Вчера она узнала врача и поняла, куда едет.

— Меня она не узнала.

Антон повернул голову на секунду, потом снова посмотрел на дорогу.

— Ты сказала по телефону, что она называла тебя Соней.

— Она ждала Соню до того, как я пришла.

— Кто такая Соня?

— Её бывшая соседка. Возможно.

— Ты говорила: чужая память.

Надежда сняла ладонь с тёплого дна формы. На пальцах остался жирный след.

— Пакет принадлежит женщине, которая жила рядом с мамой после паводка. Я пока выясняю.

— То есть ты всё-таки что-то ей сделала.

— Провела сеанс.

Антон затормозил перед пустым переходом. Машину качнуло; форма поехала с колен, Надежда удержала её обеими руками. Под полотенцем что-то влажно хрустнуло.

— В больнице?

— Да.

— Без меня?

— Твоё согласие не требовалось.

— А мамино?

— Она согласилась.

— Она тебя не узнала, но поняла, на что согласилась?

— Я объяснила.

Светофор сменился. Сзади никто не сигнализировал — улица была пустой, только женщина в синем плаще переводила через дорогу собаку. Антон не трогался.

— Врач разрешил? — спросил он.

Надежда увидела в боковом стекле собственное отражение: мокрая прядь прилипла к щеке, ворот пальто завернулся внутрь. Лгать брату было бы легче, если бы ночью она не вписала нарушение в журнал.

— Нет.

Антон поехал. До больницы он больше не сказал ни слова.

У приёмного корпуса дежурила другая медсестра. Она знала Антона по имени и сразу показала, где поставить коляску. Надежда внесла форму в холл. Здесь пахло мокрой одеждой, кипячёным бельём и манной кашей; сливовый пирог добавил запах, которому в больнице не нашлось места.

— Еду в палату нельзя, — сказала медсестра.

— Она просила.

— Кто?

— Моя мама.

— После перевода, если врач разрешит. Сейчас сдайте в буфет или унесите.

Антон взял форму у Надежды и поставил на подоконник.

— Где Вера Сергеевна?

— Готовят. Давление утром высокое, доктор смотрит.

— Нас просили к восьми.

— Вас попросили быть готовыми к восьми. Это не одно и то же.

Медсестра ушла за дверь поста. Антон снял куртку, сложил её на коляску и открыл папку. Кроме доверенности там были квитанции, выписка, список лекарств и лист с расчётами. Суммы стояли в трёх колонках: квартира, уход, доля. Надежда успела увидеть число рядом со словом «долг», прежде чем он перевернул лист.

— Что за долг?

— Не сейчас.

— Твой?

— Расходы на маму.

— Расходы на маму называются расходами.

— А неоплаченные расходы — долгом.

— Кому?

Антон застегнул папку.

— Ты вчера использовала на ней чужую память против запрета врача. Давай не будем делать вид, что проблема — моя таблица.

— Одно не отменяет другого.

— У тебя никогда ничего не отменяет другого. Поэтому ты можешь ошибиться, нарушить и всё равно остаться главным проверяющим.

Дверь палаты открылась. Санитарка вывезла тумбочку, сверху лежали свёрнутые Верины кофты. За ней появилась Вера в больничном халате и шерстяной жилетке. Она шла сама, держа за локоть молодого врача. Седые волосы были собраны на затылке чужой резинкой с зелёным шариком.

Надежда шагнула навстречу.

— Мам, мы здесь.

Вера посмотрела сначала на неё, потом на Антона. На лице возникло внимательное выражение человека, который знает, что от него ждут ответа.

— Пирог принесла? — спросила она.

Надежда обрадовалась раньше, чем поняла: мать смотрела не на неё, а на подоконник.

— Принесла.

— Сонечка всё-таки не поленилась.

Антон медленно повернулся к сестре.

— Мама, это Надя, — сказал он.

Вера нахмурилась.

— Я вижу.

— А я кто?

Врач отпустил её локоть, но остался рядом. Вера разглядывала Антона с осторожной доброжелательностью. Надежда знала этот взгляд: мать пыталась угадать не имя, а степень опасности ошибки.

— Ты из третьего подъезда, — сказала Вера наконец. — У тебя отец голубей держал.

— Как меня зовут?

— Молодой человек, не устраивайте экзамен, — вмешался врач.

— Я её сын.

— В данный момент она может не вспомнить.

— Она помнит соседского отца с голубями.

Вера потянулась к рукаву Антона и стряхнула невидимую пылинку.

— Не расстраивайся, Лёша. Тебя по телефону всегда плохо слышно.

Антон отступил. Вера едва не потеряла равновесие, и Надежда подхватила её за плечи.

— В нашем дворе не было голубятни, — сказал Антон.

— Не спорь с ней.

— Это твой сеанс?

— Я не знаю.

— Вчера не знала, кто Соня. Сегодня уже соседка. Удобно.

— Антон, не здесь.

— А где? Ты сделала это здесь.

Врач попросил обоих выйти в коридор, но Вера вцепилась в Надеждин рукав.

— Не отдавай пирог, — сказала она. — Они всё по тарелкам разложат, а Соне нужен целый.

— Он твой, мам.

— Я сладкое не ем.

— Ешь.

— Ты лучше знаешь?

Вопрос прозвучал сердито и ясно. Надежда отпустила её плечи.

— Нет.

Молодой врач представился Павлом Ильичом, хотя Антон уже разговаривал с ним накануне. Утреннее давление Веры было выше обычного, после ночной спутанности она почти не спала. Немедленной опасности врач не видел, но перевозить её сейчас не рекомендовал. Нужно было повторить измерение через час и оценить состояние.

— Там нас ждут, — сказал Антон.

— Позвоните и предупредите.

— Если место отдадут?

— Тогда придётся согласовать другой день.

Антон посмотрел на часы.

— Вчера вы говорили, что перевод необходим.

— Необходимость перевода не делает полезной перевозку при любом состоянии.

— А чужая память могла поднять давление? — спросил Антон.

Павел Ильич посмотрел на Надежду. В его лице не было торжества человека, чьё предупреждение не послушали, и от этого стало хуже.

— Мы не можем установить прямую связь, — ответил он. — Но эмоциональная нагрузка могла усилить тревогу и нарушить сон. Я зафиксировал процедуру в истории.

— Процедуру, которую вы запретили?

— Да.

Антон кивнул, будто получил недостающую печать.

— Я хочу копию.

— По письменному заявлению пациентки или её представителя.

— Вот для этого и нужна доверенность.

Вера, до сих пор слушавшая их вполоборота, сказала:

— Не дам.

Антон присел перед ней.

— Мам, доверенность нужна, чтобы платить за лечение.

— Сам плати.

— Я и плачу.

— Тогда зачем тебе моя подпись?

На секунду в её голосе вернулась прежняя Вера Сергеевна, кладовщица, которая требовала накладную даже на коробку кнопок. Антон оживился.

— Чтобы брать деньги с твоего счёта, а не занимать. И решить с квартирой, если понадобится.

— С какой квартирой?

— С твоей.

— У меня нет квартиры. Дом затопило.

Она сказала это без страха, как давний известный факт. Надежда почувствовала, как её пальцы холодеют. Павел Ильич попросил санитарку отвести Веру обратно, но та не пошла.

— Какой дом? — спросила Надежда.

Вера указала на Антона.

— Он знает. Они всем двором мешки носили. Хороший мальчик, только звонит и молчит.

— Мам, посмотри на меня, — сказал Антон. — Я твой сын.

— Не надо ко мне пристраиваться. Я твою мать знаю.

— Как её зовут?

— Зинаида.

Антон выпрямился. Их бабушку звали Зинаидой, и это совпадение можно было принять за узнавание, если очень захотеть. Надежда увидела, как он тоже на мгновение захотел. Потом он посмотрел на неё и закрыл лицо.

— Откуда в пакете голубятня? — спросил он.

— Я не знаю состава целиком.

— Ты дала ей то, чего сама не проверила?

— Я проверяла профиль раньше.

— И не знала про соседа?

— Переживание не повторяется дословно. Оно зависит от человека.

— То есть проверить невозможно.

— Можно определить устойчивые ощущения, риски, границы. Нельзя получить запись как на плёнке.

— Но ты решила, что маме это подходит.

— Я решила, что ей может стать спокойнее.

— Тебе стало спокойнее?

Вера согласилась вернуться в палату только после обещания, что пирог не разрежут без неё. Санитарка увела её, продолжая называть Верой Сергеевной. У двери мать обернулась и помахала Антону так, как машут знакомому мальчику через двор.

Надежда подняла форму с подоконника. Сок пропитал полотенце снизу.

— Я задерживаю перевод, — сказала она.

— Врач уже задержал на час.

— Не на час. Пока она не придёт в состояние, в котором понимает, куда её везут.

— Такого состояния может не быть.

— Тогда нельзя пользоваться коротким просветлением, чтобы получить подпись.

— Я не пользуюсь. Я пытаюсь организовать уход.

— С доверенностью на продажу.

— Без продажи мы не потянем.

— Покажи долг.

Антон посмотрел на врача. Павел Ильич отошёл к посту, оставив их одних, но коридор всё равно не стал частным.

— Не имеешь права требовать отчёта, — сказал Антон.

— Если речь о маминной квартире — имею.

— А когда я требую отчёта о сеансе, ты отвечаешь правилами своего проката.

— Я сказала тебе правду.

— После того как спросил врач ли разрешил.

— Да.

— И теперь ты будешь решать, достаточно ли мама здорова для перевода. Ты же специалист по чужим ощущениям.

Надежда поставила пирог на сиденье коляски. Полотенце соскользнуло, открыв растрескавшуюся поверхность. Сливы утонули в тесте, только одна половинка лежала сверху кожицей вверх.

— Я не решаю одна. Пусть врач запишет, что перевозка безопасна. Пусть новый корпус подтвердит место. Нотариуса сегодня не будет.

— Он уже едет.

— Отмени.

— Я внёс предоплату.

— Из каких денег?

— Из своих.

— Которые потом станут долгом мамы?

Антон расстегнул папку, достал лист с таблицей и протянул ей. В колонке «долг» стояли не расходы на лекарства. Там были три платежа по кредиту, проценты и сумма с пометкой «закрытие до 15 мая». Рядом он приписал карандашом предполагаемую цену материнской квартиры.

— Это не мамино, — сказала Надежда.

— Я знаю.

— Тогда зачем цена квартиры в этой строке?

— Потому что банк не ждёт, пока мы станем хорошей семьёй.

— Ты хотел продать её квартиру ради своего кредита.

— Я хотел продать пустую квартиру, чтобы оплатить пансион и закрыть часть долга. Остальное положить на её счёт.

— Какую часть?

— Не начинай.

— Какую?

— Двести восемьдесят тысяч.

Сумма была меньше годовой стоимости пансиона и больше всего, что Надежда могла отложить за несколько лет. Она перечитала лист, будто цифры могли поменять назначение.

— За что?

— За товар. Партнёр исчез. Документы на мне.

— Какой товар?

— Бытовая техника.

— Ты даже машину взял чужую.

— Потому что свою продал.

Антон вырвал лист, но Надежда не отпустила. Бумага надорвалась по краю.

— Вот почему ты торопишься, — сказала она.

— Я тороплюсь с декабря. Мама дважды оставляла газ. Один раз ушла на рынок ночью. Ты приезжаешь после работы, раскладываешь таблетки и считаешь это системой ухода.

— А ты считаешь систему ухода способом закрыть кредит.

— Да, мне нужны деньги. И ей нужны деньги. Эти два факта могут существовать одновременно — ты сама только что это объясняла.

Он говорил тише, но каждое слово стало отчётливее. Надежда вспомнила, как в машине сказала: одно не отменяет другого. Антон вернул ей фразу без насмешки, и она не могла объявить её неверной только потому, что теперь она защищала его.

— Продажи не будет, пока мама сама не поймёт и не согласится, — сказала она.

— Тогда продажа может не состояться никогда.

— Значит, будем искать другое.

— Кто — мы? Ты уже выбрала чужой пакет вместо сиделки.

Телефон Надежды зазвонил. На экране высветился номер проката. Она отключила звук.

— Ответь, — сказал Антон. — Может, ещё кому-нибудь нужна его мать.

Телефон зазвонил снова. Теперь это был мобильный Тимура.

Надежда отошла к окну.

— Да.

— Орлов составил акт отстранения, — сказал Тимур. — Пока до выяснения. Требуется, чтобы ты передала ключ оценщика и пароль от больничной подборки.

— Пароль у него есть.

— Он хочет зафиксировать передачу.

— Я в больнице.

— Знаю. Я сказал.

В стекле отражался Антон с порванным листом в руке. За ним санитарка везла пустую каталку. Всё выглядело так, словно решение уже принято и осталось только определить, кого увозят.

— Что с ПФ-17? — спросила Надежда.

— Под пломбой. Орлов хочет снять обработку и перевести в изолятор.

— Без моей подписи?

— Он директор. Может приостановить до комиссии.

— Карточку Софьи передал?

— Да.

— И журнал выдач?

— Да.

На другом конце Тимур понизил голос:

— Надя, если не придёшь до девяти, он оформит отсутствие как отказ дать объяснение.

— Пусть оформляет.

— Это не поможет найти Софью.

— Мне нужно задержать перевод матери.

— Ты не обязана сама держать дверь.

Надежда посмотрела на брата. Антон складывал коляску, резко нажимая фиксаторы. Пирог снова стоял на подоконнике.

— Сейчас обязана, — сказала она.

— Тогда пришли объяснительную хотя бы по факсу с поста.

— Напишу от руки и передам с Антоном.

— Он поедет к нам?

— Теперь поедет.

Она отключилась.

— Не поеду, — сказал Антон.

— Тебе нужна копия больничной записи о сеансе. Для неё понадобится запрос. Отвези моё объяснение в прокат, получишь подтверждение, что процедура была служебной аппаратурой и без разрешения учреждения.

— Ты предлагаешь мне помочь тебе оформить нарушение?

— Предлагаю получить документ, который ты хотел.

— И заодно стать твоим курьером.

— Можешь не ехать. Тогда я уйду, а ты останешься здесь с доверенностью.

Антон посмотрел на дверь палаты. Его лицо изменилось: гнев остался, но под ним появилась растерянность человека, которому наконец дали желанное место у двери и который не знает, что с ним делать.

— Ты правда думаешь, что я заставлю её подписать?

— Думаю, ты убедишь себя, что она поняла достаточно.

— А ты вчера убедила себя в том же.

— Поэтому сегодня я не оставлю тебе такую возможность.

Надежда попросила у медсестры бумагу. Та дала два листа из тетради назначений, вырванных так аккуратно, что осталась бахрома. На посту нашлась синяя ручка на верёвке.

Она написала объяснение без попытки смягчить формулировки: вынесла дорожный аппарат и ПФ-17 без второго согласования; провела процедуру после устного запрета врача; получила неоднозначное согласие Веры Крыловой; внесла сведения в журнал утром; инициировала возвратную обработку из-за несоответствия документов. В конце указала, что остаётся в больнице до решения врача о транспортировке и готова прибыть после.

Антон читал через её плечо.

— «Неоднозначное согласие» — это что?

— Она сначала отказалась, потом согласилась на короткий сеанс.

— А ты выбрала второе.

— Да.

— Почему?

Надежда дописала дату и время.

— Потому что хотела, чтобы она меня узнала.

Впервые за утро Антон перестал держать папку перед собой. Опустил её на стул и сел рядом.

— Узнала?

— Назвала Соней. Обняла. Попросила этот пирог.

— А меня назвала Лёшей.

— Да.

— Значит, не сработало.

Надежда сложила объяснение вчетверо.

— Сработало. Только не так, как я хотела.

Они сидели молча. В коридоре сменили лампу: лестница внезапно стала ярче, а их конец остался серым. За стеной Вера что-то говорила санитарке о мешках и мокрых фотографиях. Слова были различимы по одному, но не складывались в рассказ.

В девять без пяти Павел Ильич вернулся. Давление снизилось незначительно. Вера уснула, и будить её ради перевозки он не разрешал. Перевод откладывался как минимум до второй половины дня, а лучше до следующего утра. Нотариальную встречу врач рекомендовал отменить: в сегодняшнем состоянии Вера не могла устойчиво понимать имущественные последствия документа.

— Запишите это, — сказала Надежда.

— Запишу в истории.

— И отдельную справку.

Антон поднял голову.

— Зачем?

— Чтобы никто сегодня не привёз другого нотариуса.

— Я уже всё отменил.

— Когда?

— Пока ты писала.

Он показал экран: исходящий звонок длился сорок семь секунд. Надежда хотела проверить номер, но не стала.

— Новый корпус место сохранит до завтра, — продолжил Антон. — Если мы оплатим первые десять дней сегодня.

— Из маминых денег без доверенности нельзя.

— Я оплачу.

— Это не станет её долгом.

— Хорошо.

Он сказал слишком быстро, но спорить дальше означало бы превратить согласие в ещё одну улику. Надежда протянула объяснение.

— Отвезёшь?

— А ты?

— Останусь до повторного осмотра. Потом поеду в прокат.

— Тебя там уволят.

— Возможно.

— Из-за этого пакета?

— Из-за того, что я сделала с пакетом.

Антон взял лист и положил в папку отдельно от доверенности.

— Я отдам под подпись. И запрошу копию карточки.

— Не карточки Софьи. Только документы о моём выносе и процедуре.

— Боишься за чужие данные?

— Да.

Он застегнул папку.

— Поздновато.

— Всё равно боюсь.

Антон надел куртку и покатил сложенную коляску к выходу. У подоконника остановился, снял полотенце с формы и осмотрел пирог.

— Он сырой.

— Знаю.

— Ты же всегда проверяла спичкой.

— В этот раз торопилась.

— Его нельзя ей.

— Я не дам.

Антон накрыл форму и ушёл. Через стеклянные двери Надежда видела, как он поставил коляску в багажник, сел за руль и несколько секунд не заводил машину. Потом вынул телефон. Даже рядом с больницей он оставался братом по телефону: решал перевозку, деньги, нотариуса и теперь её служебное нарушение голосом, который можно было отключить одной кнопкой.

Надежда вернулась в палату. Вера спала на боку, подложив ладонь под щеку. Зелёный шарик на резинке упирался в подушку. На тумбочке стоял стакан воды, рядом лежала больничная карточка с её именем — правильным, полным, принадлежащим только ей.

Пирог Надежда оставила в коридоре. Она села у кровати и позвонила в новый корпус, чтобы самой подтвердить перенос. Потом набрала нотариальную контору. Там сказали, что выезд отменён мужчиной, представившимся сыном Веры Крыловой; предоплату перенесут на другую дату, но вернуть смогут только по заявлению плательщика.

Третьим звонком она связалась с прокатом. Ответил Орлов.

— Крылова, у тебя двадцать минут, — сказал он без приветствия.

— Объяснительная едет с Антоном Крыловым. Он запросит документы о больничной процедуре.

— Ты привлекаешь родственника клиента к внутренней проверке?

— Он родственник Веры Крыловой и имеет право знать, что я сделала.

— А кто дал тебе право раздавать служебные сведения?

— Я даю сведения только о собственном нарушении.

Орлов помолчал.

— Ты отстранена от работы с носителями. ПФ-17 переведён в изолятор до комиссии.

— В карточке сохранится основание возвратной обработки?

— Решит комиссия.

— Бумажное согласие Софьи Веденеевой приложено?

— Крылова, ты сейчас не в положении задавать условия.

— Это не условие. Это документ.

— Приезжай и убедишься.

— После повторного осмотра матери.

— Тогда ключи сдашь охране к полудню. И не открывай базу удалённо.

— У меня нет удалённого доступа.

— После вчерашнего я предпочитаю проговаривать очевидное.

Надежда закончила разговор. Вера шевельнулась, открыла глаза и посмотрела на неё без испуга.

— Лёша ушёл? — спросила она.

— Ушёл.

— Хороший мальчик. Всё звонит матери, а зайти боится.

— Может, не знает, что говорить.

— Так пусть молчит рядом.

Надежда поправила край одеяла.

— А меня ты знаешь?

Вера посмотрела долго и устало. Надежда уже жалела о вопросе.

— Ты пирог испортила, — сказала мать.

— Испортила.

— Соня бы не испортила.

— Наверное.

Вера закрыла глаза.

— Зато ты пришла.

Это могло быть узнаванием. Могло быть остатком чужого двора, где одна женщина ждала другую. Могло ничего не значить, кроме присутствия стула у кровати. Надежда не стала выбирать версию.

Она осталась сидеть, пока в коридоре остывал пирог, в прокате пломбировали пакет, а Антон вёз её признание туда, где семейное нарушение впервые должно было получить служебный номер.

Глава 6. Семь дней тепла

К полудню Вера разрешила перевезти себя, но отказалась надевать собственное пальто.
— Оно Зинаидино, — сказала она. — Я чужое не возьму.

На внутреннем кармане белыми нитками было вышито «В. К.». Надежда показала буквы, нашла в сумке старую фотографию: Вера у речного вокзала в этом же пальто, только воротник ещё не вытерся. Мать посмотрела на снимок и вернула его лицом вниз.

— Мало ли кто в чём фотографируется.

Зато больничную жилетку с зелёной пуговицей она считала своей. Санитарка разрешила оставить её до нового корпуса, записав в ведомость. Надежда не спорила. Антон приехал без нотариальной папки, оплатил место на десять дней и за всю дорогу произнёс только адрес. Вера сидела между ними в коляске, держала испорченный пирог на коленях и улыбалась каждой луже.

Новый корпус помещался в бывшем детском саду. На стене коридора сохранились нарисованные кораблики, а двери палат были расширены так, что от прежних косяков остались светлые полосы. Веру встретила сестра-хозяйка Людмила, назвала по имени и спросила, где ей удобнее сидеть — у окна или ближе к двери.

— У окна Соня простудится, — ответила Вера.

— Тогда ближе к двери.

Этого оказалось достаточно. Людмила не выясняла, кто Соня, не поправляла и не проверяла родство. Она показала шкаф, кнопку вызова и столовую. Вера прошла за ней спокойно, один раз обернулась к Надежде и спросила, принесли ли банку с вишнёвым вареньем. Банки не было, но обещание поискать её мать приняла.

Антон дождался подписи администратора на квитанции.

— Вечером приедешь? — спросила Надежда.

— Позвоню.

— Я спросила не про звонок.

— Мне надо в банк.

— Долг до пятнадцатого?

— Не здесь.

— Хорошо. Но квартиру мы не продаём.

Он сложил квитанцию в бумажник.

— Ты говоришь так, будто у тебя есть другой план.

— Сдавать после ремонта. Я возьму отпуск, разберу вещи.

— Тебя отстранили, отпуск у тебя уже начался.

Надежда не успела спросить, откуда он знает. Антон кивнул на стеклянную дверь: во дворе стоял Тимур. Он приехал на служебном фургоне за дорожным аппаратом, который остался в багажнике Антоновой машины после ночного сеанса.

— Вы уже познакомились? — спросила Надежда.

— Он забрал твою бумагу и дал мне запрос. Очень разговорчивый человек.

Тимур действительно говорил мало. Он проверил пломбу чемодана, сверил номер с журналом и попросил Антона расписаться как хранителя до передачи. Антон расписался, не читая примечания.

— ПФ-17 где? — спросила Надежда.

— В изоляторе. Орлов назначил комиссию на завтра.

— Меня вызвали?

— Тебе запрещён доступ к носителям, не в здание. В два часа клиентская жалоба. Орлов требует твоего заключения, потому что первичную оценку делала ты.

- Удобное отстранение.
- Пока ты полезна — неполное.
- Антон слушал, придерживая багажник.
- Жалоба на такой же пакет?
- На другой, — ответила Надежда.
- И что, человек тоже перестал узнавать семью?
- Не знаю.
- А когда узнаешь, вернёшь деньги?
- Тимур закрыл фургон.
- Возврат определяет комиссия, — сказал он.
- Конечно.

Антон уехал в банк. Надежда вернулась к Вере. Мать сидела у окна, хотя выбрала место у двери, и складывала бумажные салфетки треугольниками. Рядом Людмила разбирала вещи.

— Фотографии подпишите, — сказала она. — Имя, год, кто рядом. Так персоналу легче поддерживать разговор.

Надежда принесла из сумки конверт. Она собирала его ночью перед выпечкой: Вера с маленькими Надей и Антоном на берегу; первый школьный звонок; Антон в матросском костюме; кухонный стол после ремонта; отец на балконе с банкой белой краски. На обороте уже стояли даты.

Вера взяла верхний снимок двумя пальцами.

- Это не мои.
- Твои. Вот ты.
- Женщина похожа.
- А дети?
- Не знаю. Жалко их, жарко одеты.
- Надежда перевернула следующую фотографию.
- Здесь Антон. Ты сама сшила ему воротник.
- Неровно сшит.
- Поэтому и сама.

Вера не улыбнулась. Она собрала снимки в стопку и протянула Людмиле.

— Уберите, пожалуйста. Девочка расстраивается.

Девочкой была Надежда. Мать смотрела на неё мягко, почти ласково, но как на посетительницу, которая принесла чужой альбом и теперь ждёт благодарности.

- А Соню помнишь? — спросила Надежда.
- Соня пирог любит.
- Где она жила?
- Недалеко.
- В каком доме?
- В своём.
- Там была голубятня?

Вера отодвинула конверт.

— Ты опять всё считаешь. Посиди просто.

Надежда села. Остаточное чувство не вернуло матери семью. Оно оставило другое: уверенность, что кого-то ждут, что пирог должен остаться целым, что во дворе есть знакомый мальчик и дом, затопленный водой. Внутри этой уверенности Вера была спокойна. Настоящие фотографии только мешали ей, как неверно подписанные коробки.

Они просидели двадцать минут. Вера складывала салфетки. Надежда расправляла их и подавала обратно. Ни одна не называла другую по имени.

Перед уходом Надежда выбросила пирог. В столовой нашёлся большой бак с крышкой; форма осталась чистой, только по краям запёкся тёмный сахар. Вера не видела, как обещанное уходит в мусор.

В прокате её ключ уже не открывал служебную дверь. Пришлось звонить. Тимур впустил, выдал гостевую карточку и записал время входа.

— Орлов у себя, — сказал он. — Зоя Селиванова ждёт в шестой.

— Одна?

— С мужем. Он утверждает, что она испортила ему свадьбу двадцать лет назад.

— Их свадьбу?

— Чужую.

В шестой комнате обычно проводили спокойные возвраты. Здесь не было аппарата, только стол, три стула и кувшин воды. Зоя Селиванова сидела у стены, прижав сумку к животу. Её муж Виктор ходил от окна к двери. На нём был костюм, слишком нарядный для буднего дня, и домашние тапочки без задников.

— Наконец-то, — сказал он. — Вот специалист. Спросите её, зачем жена закрыла меня в кладовке.

Зоя подняла глаза.

— Я его никогда не закрывала.

— На свадьбе.

— На нашей свадьбе кладовки не было.

— Была за кухней. Ты сказала, что я выйду, когда признаюсь.

Надежда села напротив.

— Виктор Петрович, вы брали пакет «Свадьба без родителей» шесть дней назад?

— Жена брала. Мне показала.

— Сеанс проходили вы оба?

Зоя полезла в сумку и достала квитанцию.

— Оформлено на меня. Я хотела вспомнить, как люди мирятся. У нас серебряная свадьба в августе. Он подключился в комнате, когда я уже начала. Сказал, раз платим семейные деньги, имеет право.

— Второй участник не был внесён?

— Девушка на выдаче разрешила сидеть рядом.

— Сидеть рядом и подключаться — разные вещи.

Виктор перестал ходить.

— Не переводите на бумажки. Я помню её платье. Синий пояс, пятно от вина. Она заперла меня, потому что я танцевал с Галей.

— На нашей свадьбе у меня был белый пояс, — сказала Зоя. — И никакой Гали.

— Теперь, конечно, не было.

Он говорил не как человек, которого мучает смутный сон. В его голосе была давняя, обжитая обида. Надежда знала пакет: донорская пара поссорилась во время свадьбы сестры, жених действительно оказался в кладовой, но заперла его не жена. В карточке стояло: «ощущение стыда, теснота, запах яблок; личности и причинность не подтверждены». При первичной оценке Надежда настояла убрать из каталога формулировку «супружеское примирение», но Орлов вернул её ради понятности.

— Память пакета не принадлежит вашей жене, — сказала она. — И она не доказывает, что событие происходило с вами.

— Тогда почему я помню её голос?

— Переживание подставляет знакомые связи. Вы могли узнать интонацию Зои Михайловны там, где в исходном опыте была другая женщина.

— То есть вы продаёте подделку?

— Мы предоставляем переживание, а не свидетельство.

— Хорошая разница после кассы.

Зоя положила квитанцию на стол.

— Он шестой день требует, чтобы я извинилась. Не спит со мной, проверяет старые фотографии. Вчера звонил моей сестре и спрашивал про Галю.

— Она сказала, что Галя была, — возразил Виктор.

— В школе. За десять лет до свадьбы.

— Значит, была.

Надежда попросила описать сеанс от начала. Зоя включила пакет дома, хотя правила разрешали первый прокат только в кабинете. В карточке стояла отметка о пройденном вводном занятии, поставленная администратором задним числом. Виктор приложил второй контакт к запястью, не очистив предыдущий профиль. Они спорили ещё до подключения: Зоя считала, что муж не хочет праздновать годовщину, Виктор — что она тратит деньги на чужую сентиментальность.

Пакет не создал ссору. Он дал ей комнату, платье и чужой стыд, вокруг которых прежняя обида смогла затвердеть.

— Остаточное чувство обычно слабеет за семь дней, — сказала Надежда. — Завтра срок не выключится по часам, но телесная уверенность должна уменьшаться. До тех пор не проверяйте воспоминание вопросами и не ищите подтверждения. Записывайте отдельно, что вы переживаете, и что подтверждается вашей общей жизнью.

— Значит, ещё сутки я виновата? — спросила Зоя.

— Нет. Вы не обязаны признавать событие, которого не было.

— А он обязан верить мне?

Надежда посмотрела на Виктора.

— Он обязан не использовать заёмное переживание как доказательство против вас.

— Я никому ничего не обязан, — ответил тот. — Я это чувствовал.

— Чувство принадлежит вам сейчас. Событие — нет.

Виктор сел. Впервые его уверенность пошатнулась, но не исчезла.

— А если через неделю останется?

— Тогда мы проведём повторную оценку без нового сеанса и направим вас к врачу, если сохранится спутанность. Носитель будет изъят до проверки.

Дверь открыл Орлов.

— Крылова, на минуту.

В коридоре он говорил негромко, чтобы супруги не слышали.

— Ты отстранена. Не назначай изъятие.

— В карточке не указан второй участник, нарушено домашнее использование, есть устойчивое ложное присвоение.

— Это жалоба, не диагноз.

— Поэтому нужна оценка.

— Возврат денег и бесплатная консультация закроют вопрос.

— Для Зои — нет.

— Для учреждения — да.

Надежда протянула ему квитанцию. На обороте администратор поставила вводное занятие той же датой, что выдача, но время было позднее на три часа.

— Кто подтвердил инструктаж после выдачи?

Орлов взглянул и спрятал квитанцию в карман.

— Разберёмся.

— При клиентке зафиксируйте копию.

— Ты сегодня очень полюбила фиксацию.

— Поздно, но полюбила.

Орлов вернулся в комнату, извинился перед Селивановыми и предложил полный возврат. Виктор отказался: деньги, по его словам, не вернут правду. Зоя потребовала письменное подтверждение, что пакет не содержит её личных воспоминаний. Орлов обещал справку к вечеру.

— И изъятие, — сказала Надежда.

Он посмотрел на неё, затем на Зою.

— Временную приостановку выдачи до оценки.

Это было почти то же действие с более мягким названием. Тимур принёс форму возврата. Зоя подписала, Виктор отказался. Перед уходом он остановился у Надежды.

— Если через неделю я забуду кладовку, жена станет невиновной?

— Она и сейчас не виновна в чужой кладовке.

— А в нашей ссоре?

— Это спросите у неё без пакета.

Зоя ждала у двери. Виктор надел пальто и вышел следом, впервые за встречу не впереди жены.

Орлов закрыл шестую комнату.

— Ты умеешь превращать возврат в расследование.

— А вы — нарушение в консультацию.

— Завтра комиссия по ПФ-17. До неё сдаёшь ключ и не подходишь к архиву. Сегодня закончишь заключение по Селивановым, потому что начала.

— Нужна карточка пакета.

— Тимур принесёт копию без данных доноров.

— Вера тоже переживает остаточное чувство шестой день.

Орлов снял очки.

— Ты сравниваешь мать с жалобщиком?

— Сравниваю последствия. Она отвергает собственные фотографии, зато уверена в чужом дворе. Спокойна, но ориентирована хуже.

— Спокойствие для неё ничего не значит?

— Значит. Но не даёт нам права продлевать его.

Орлов надел очки обратно.

— А ты продлила.

— Один раз.

— Остаток всегда кажется одним разом. Потом человек приходит за тем же ощущением, потому что без него снова больно.

В этой фразе не было оправдания сервиса. Скорее опыт человека, который много лет наблюдал очередь у окошка и научился считать возвращение спросом.

Надежда написала заключение. Она отделила подтверждённое от пережитого: совместный неоформленный сеанс, нарушение режима выдачи, присвоение роли супруги, семейный конфликт, необходимость приостановки. В строке «причина» не стала писать «индивидуальная восприимчивость», как советовал Орлов. Указала: «Недостаточный контроль участников и неверная каталожная формулировка, допускающая принятие чужого эпизода за личную семейную историю».

Тимур прочёл и поставил входящий номер.

— Орлов заставит переписать.

— Тогда останется эта версия.

— Ты сегодня оставляешь следы везде.

— Вчера оставляла пустые строки.

В шесть часов позвонила Людмила. Вера поужинала, не тревожилась и помогала соседке складывать полотенца. Фотографии попросила убрать в шкаф, потому что «чужие дети смотрят». Антон не приехал, но звонил дважды: сначала администратору, потом матери. Вера назвала его Лёшей и спросила о голубях. Он не стал поправлять.

— Просил передать, что завтра будет, — сказала Людмила.

Надежда записала это в блокнот рядом с наблюдениями по Селивановым. Потом зачеркнула: брат не был симптомом и не нуждался в оценке.

Перед уходом она сдала ключ оценщика. Тимур запечатал его в конверт, оба расписались на клапане. Гостевая карточка открывала только коридор.

— Завтра к десяти, — сказал он. — Комиссия решит судьбу ПФ-17.

— За пять дней обработки мы должны были найти Софью.

— У тебя осталось четыре, если комиссия сохранит основание.

— Орлов не сохранит.

— Тогда искать придётся до решения.

— Без базы и карточки?

Тимур подвинул к ней копию согласия. Адрес был закрыт чёрной полосой, но внизу оставался номер паводкового акта.

— Архив городского восстановления открыт для граждан, — сказал он. — По номеру акта можно запросить опись без служебного доступа.

— Это помощь?

— Это объяснение правил.

Надежда сложила копию. На улице дождь закончился. Над бывшим Домом быта висело ровное вечернее небо, не обещавшее ни паводка, ни возвращения.

Она позвонила Антону.

— Завтра придёшь к маме?

— Приду.

— Без доверенности?

— Без.

— Она будет называть тебя Лёшей.

— Пусть.

— И, возможно, не вспомнит фотографии.

— Я не фотографии навещаю.

Надежда остановилась у лестницы. Это могло быть честным ответом или удачной фразой, найденной после целого дня звонков. Она не стала проверять.

— В семь остаточное чувство может ослабнуть, — сказала она.

— А если не ослабнет?

— Будем сидеть рядом с тем, что останется.

После разговора она пошла не домой, а в городской архив. До закрытия оставалось сорок минут. В кармане лежал номер паводкового акта, а в больничном шкафу — фотографии семьи, которым Вера не верила. Надежда впервые искала Соню не для того, чтобы вернуть матери правильное имя, а чтобы спросить живого человека, что у него взяли.

Глава 7. Инвентаризация родства

К десяти утра Надежда успела получить в городском архиве только расписку. Запрос по номеру паводкового акта приняли, прижали круглой печатью и велели ждать три рабочих дня. На просьбу посмотреть опись сегодня женщина за стеклом ответила, что сегодня у неё тоже рабочий день и потому она работает по порядку.

— Мне не сам акт, — сказала Надежда. — Только перечень приложений. Там может быть адрес владельца.

— Если адрес есть в перечне, он считается частью акта.

— Тогда название организации, которая передала вещи.

— Если организация есть в перечне, она тоже считается частью акта.

Женщина вернула ей паспорт и оставила у себя копию заявления. На расписке номер П-198 стоял в левом верхнем углу, а внизу мелко было напечатано: «Ответ может быть подготовлен ранее установленного срока». Эта фраза была единственным проявлением надежды во всём городском архиве.

В прокат Надежда пришла без пяти десять. Гостевая карточка открыла наружную дверь и отказалась открывать служебную. Тимур увидел её через стекло, но впустил не сразу: сначала дописал строку в журнале, затем проверил часы и только после этого приложил свой ключ.

— Опоздание на четыре минуты, — сказал он.

— До комиссии ещё пять.

— Инспектор пришла в девять двадцать.

В раздевалке висело незнакомое серое пальто. Под ним стояли сухие мужские ботинки маленького размера. Надежда почему-то решила, что инспекторка окажется пожилой, и успела представить строгое лицо, медленную речь, очки на цепочке. Женщина, сидевшая в кабинете Орлова, была моложе Надежды лет на пять. Короткие волосы лежали так ровно, будто она стриглась утром. Перед ней стояла открытая коробка с карточками, и каждую она брала за верхний край двумя пальцами, не сбивая порядок.

Орлов представил её без должности:

— Инга Сергеевна Малова. Надежда Крылова, оценщик первой категории.

— Временно отстранённый, — уточнила Инга.

— От работы с носителями.

— В объяснительной написано «до решения комиссии». Поэтому пока отстранённый оценщик.

Она не предложила Надежде сесть. На свободном стуле лежала синяя папка с гербом города. У окна расположились начальница больничного корпуса Марина Петровна и юрист проката Глеб Ильич. Тимур остался у двери с журналом. Комиссия была собрана так, словно собирались решать судьбу человека, хотя на столе лежала только жестяная коробка ПФ-17, опечатанная белой полосой.

Инга сняла пломбу не ножницами, а линейкой. Проверила подписи Надежды и Тимура, записала, что повреждений до вскрытия нет, и положила носитель на серую салфетку.

— Кто может коротко объяснить, что именно здесь хранится? — спросила она.

Орлов начал с истории учреждения: восстановительная мастерская после паводка, городской эксперимент, преобразование в прокат, социальные тарифы. Инга слушала, не перебивая, и на словах «уникальный гуманитарный фонд» перевернула пустой лист в блокноте.

— Я спросила про этот носитель.

— Пакет семейного возвращения, — сказал Орлов. — Устойчивый бытовой профиль с положительной эмоциональной окраской. Использовался для взрослых клиентов без острых состояний.

— Тридцать шесть раз?

— По электронной базе.

Тимур кашлянул.

— Тридцать восемь подтверждённых выдач. Две ранние записаны только в бумажном журнале.

Орлов посмотрел на него. Тимур не отвёл глаз.

— Согласие владельца? — спросила Инга.

Надежда положила копию договора рядом с коробкой.

— Софья Андреевна Веденеева разрешила однократное воспроизведение для восстановительного исследования. Срок хранения истёк семь лет назад. Коммерческая выдача не разрешена.

— Почему пакет оставался в каталоге?

— Букву «И» перенесли как «индивидуальный», хотя в старой карточке она означала «исследовательский».

— Кто перенёс?

— Не установлено.

— Кто обязан был установить до первой платной выдачи?

Орлов ответил раньше Надежды:

— Учреждение. Это системная ошибка, а не действие одного сотрудника.

— Удобная формулировка для директора.

— И неудобная, если вы записываете внимательно.

Инга записывала внимательно. Потом попросила описание последнего сеанса. Надежда рассказала о Вере: нарушение памяти, больничный корпус, устное согласие, отсутствие второго служебного согласования, чужое имя Соня, остаточная уверенность в затопленном дворе. Она не стала говорить, что мать обняла её. Комиссии это ничего не объясняло, а ей самой мешало держаться фактов.

— Пациентка способна была дать информированное согласие? — спросила Марина Петровна.

— Врач запретил процедуру. Вера сказала, что согласна, если недолго.

— Это не ответ.

— Нет. Достаточной способности подтвердить согласие я не установила.

В комнате стало слышно, как в коридоре аппарат выдачи печатает квитанцию. Один раз он пискнул, потом ещё дважды, требуя бумагу.

— Зачем провели сеанс? — спросила Инга.

— Хотела, чтобы мать меня узнала.

— Узнала?

— Назвала чужим именем.

— Тогда зачем продлили обработку пакета вместо изъятия?

Надежда посмотрела на жестяную коробку. На крышке остался светлый прямоугольник от старой этикетки. Новую бирку она заполняла сама, ровными буквами, чтобы нарушение выглядело как процедура.

— Я надеялась найти донора и понять, почему в переживании присутствуют знакомые матери детали. И оставила себе возможность снова получить доступ.

Глеб Ильич поднял голову от бумаг.

— Последнее предположение в протокол включать необязательно.

— Включать, — сказала Надежда.

Инга впервые посмотрела на неё не как на источник показаний.

— Вы понимаете, что признание намерения ухудшает ваше положение?

— Оно и было моим положением.

Марина Петровна спросила, наблюдается ли ухудшение состояния Веры. Надежда ответила: тревога уменьшилась, ориентирование не улучшилось, настоящие фотографии мать отвергает. Инга попросила разделить последствия болезни и последствия сеанса. Надежда сказала, что по одному случаю разделить их нельзя. Орлов коротко кивнул, будто именно этого ответа ждал.

— Вот почему я возражаю против немедленного вывода о вреде, — сказал он. — Мы имеем нарушение процедуры, которое признаём. Но не доказанный вред от носителя.

— А право донора? — спросила Инга.

— Найдём и урегулируем.

— После тридцати восьми выдач.

— Лучше после тридцати восьми, чем никогда.

Инга закрыла блокнот.

— Комиссия по ПФ-17 не может решить судьбу одного пакета, пока неизвестно, один ли он такой. Мне нужны численность каталога, число действующих согласий, число выдач за последние три года и перечень пакетов, перенесённых из восстановительной мастерской.

— Эти сведения готовятся к плановой проверке, — сказал Орлов.

— Плановая проверка началась сегодня.

— В уведомлении стоит понедельник.

— В понедельник начнётся выездная часть. Сегодня я знакомлюсь с материалами вашей комиссии как представитель учредителя. Можете считать это дружеским визитом с правом изымать копии.

Глеб Ильич открыл синюю папку, нашёл уведомление и долго сравнивал даты. Инга ждала. Ей не нужно было выигрывать спор быстро; время в кабинете уже принадлежало ей.

Орлов встал и подошёл к шкафу.

— Тимур подготовит реестр.

— Тимур отвечает за архив, — сказала Инга. — Выборку по выдачам должен подтвердить оценщик.

— Крылова отстранена.

— От носителей. Работать с копией базы ей это не мешает. Тем более она обнаружила расхождение.

Орлов повернулся к Надежде.

— Подготовишь к четырём часам. Двести случайных карточек за последние три года, без ПФ-17 и без больничных демонстраций. Отдельно пятьдесят самых востребованных пакетов. Персональные данные доноров закрой.

Инга снова открыла блокнот.

— Почему без больничных демонстраций?

— Другой порядок учёта.

— Тогда отдельной выборкой все больничные демонстрации.

— Там много отменённых заявок.

— Тем лучше. Увидим, как они отменялись.

Орлов улыбнулся так, как улыбался клиентам, требующим вернуть не деньги, а прожитое воскресенье.

— Разумеется.

Комиссия постановила оставить ПФ-17 в изоляторе, запретить любое воспроизведение и запросить у городского архива паводковый акт. Надежде продлили отстранение от носителей, но обязали участвовать в документальной проверке. Марина Петровна потребовала письменное описание сеанса для медицинской карты Веры без вывода о лечебном эффекте. Глеб Ильич записал, что учреждение не признаёт причинной связи между процедурой и состоянием пациентки. Инга рядом приписала от руки: «и не исключает её».

Когда все подписали протокол, Орлов попросил Надежду остаться.

— Чистая выборка, — сказал он после того, как дверь закрылась. — Понимаешь слово «чистая»?

— Без персональных данных.

— Без мусора. Возвраты, тестовые включения, ошибки переноса — отдельно. Инге нужны действующие пакеты, она их получит.

— Она запросила случайные карточки.

— Случайность не означает небрежность.

— А исключение ПФ и больничных демонстраций означает?

Он снял очки и стал протирать стекло краем галстука.

— Ты хочешь, чтобы прокат закрыли сегодня?

— Сегодня его не закроют.

— Тогда в понедельник. Ты видела очередь внизу? Люди записаны на месяц. У половины никого нет дома. Они приходят сюда не за юридической истиной, а чтобы на два часа перестать быть единственным человеком, который помнит свой день рождения.

— Поэтому им можно выдавать чужое без согласия?

— Поэтому сначала надо узнать масштаб, а потом выбирать способ исправления. Если свалишь Инге на стол все карточки без разбора, она увидит не людей, а число нарушений.

— Число нарушений тоже число людей.

Орлов надел очки.

— К четырём. Двести действующих, пятьдесят популярных, больничные отдельно. И, Крылова, не перепутай проверку учреждения с исповедью.

Рабочее место Надежды уже опечатали: два бумажных уголка на ящиках, подпись Тимура, дата. Для выборки ей поставили компьютер в комнате возвратов. Доступ был только к копии базы, выгруженной утром. В правом углу экрана краснела надпись «НЕ ДЛЯ ВЫДАЧИ», словно без неё Надежда могла попытаться просунуть клиента в дисковод.

Она задала период — три года — и получила восемь тысяч четыреста одиннадцать операций. Отменила фильтр по действующим пакетам: стало девять тысяч триста восемьдесят. Ещё девятьсот шестьдесят девять записей считались ошибками, тестами и отменами. Среди них встречались выдачи длительностью от сорока минут до семи дней, с оплатой, фамилией клиента и отметкой об остаточном чувстве. Мусор умел принимать деньги.

Надежда открыла карточку с пометкой «техническое включение». Клиентка дважды брала память о школьном выпускном и оставила отзыв: «После первого раза не хватило ощущения, что меня ждали». Вторая выдача прошла со скидкой. Система не считала её клиенткой, потому что номер пакета был архивным.

Тимур принёс чай в стакане.

— Орлов сказал помогать только с обезличиванием.

— Помоги понять старые коды.

— Это уже смысл, не фамилии.

— Тогда объясни бессмысленно.

Он сел рядом. В ранней базе код состоял из букв фонда, года и номера предмета. После преобразования мастерской в прокат год убрали, номера перенумеровали, а буквенные обозначения раздали новым категориям. ПФ мог означать паводковый фонд, позднее — «праздничный семейный». И — исследовательский, позднее индивидуальный. К — коллективный, позднее краткий.

— Они не переносили каталог, — сказала Надежда. — Они переводили его на другой язык.

— Я пришёл через три года после перевода.

— Кто делал?

— Орлов, бухгалтерия, два временных оператора. Один умер, вторая уехала. В приказе стоит комиссия из семи человек, но журнал входа подписывали трое.

Надежда ввела ПФ в поле старого кода. База показала ПФ-3, ПФ-9 и ПФ-17. Все три числились исследовательскими, списанными до открытия проката. ПФ-17 при этом существовал ещё раз — как праздничный семейный пакет номер семнадцать. Две карточки связывала строка «предыдущий идентификатор», видимая только в режиме исправления.

— Найди все карточки, где предыдущий идентификатор начинается на ПФ, — сказала она.

— Нет такого фильтра.

— В выгрузке есть поле.

Они сохранили таблицу и отсортировали столбец. Восемьдесят шесть строк собрались рядом. У двадцати четырёх прежний идентификатор был обрезан, у девятнадцати совпадал с новым, у сорока трёх начинался с ПФ и числа.

— Сорок три, — сказал Тимур.

— Вместе с семнадцатым?

— Вместе.

— Действующие согласия?

Он открыл первую карточку. Согласие было оформлено на муниципальное хранение предмета, не на воспроизведение. Во второй стояла отметка «согласие в бумажном деле», но номер дела не указан. Третья принадлежала женщине, разрешившей один показ на выставке о паводке. Четвёртая ссылалась на договор, заключённый через четыре года после смерти владельца; в строке представителя значилась пустота.

— Хватит, — сказал Тимур после седьмой.

— Для чего?

— Чтобы понять.

— Инге нужно не понять. Ей нужно посчитать.

В двенадцать позвонила Людмила. Антон пришёл к Вере с йогуртом и новым халатом. Мать назвала его Лёшей, попросила проверить голубятню, потом рассердилась, когда он открыл окно. Он закрыл окно, не стал объяснять, что голубятни нет, и остался обедать.

— Они суп едят, — сообщила Людмила. — Он ей хлеб мелко порезал.

Надежда спросила, искала ли Вера Соню.

— Один раз. Антон сказал, что Соня занята и придёт позже.

Вчера Надежда сочла бы это присвоением её места. Сегодня услышала другое: брат не заставил мать выбирать между ними и не предъявил правильное имя как пропуск в семью. Он просто порезал хлеб.

Она записала время звонка в больничное описание и вернулась к таблице.

К двум часам «чистая» выборка была готова в двух вариантах. Первый содержал ровно то, что просил Орлов: двести действующих карточек с видимыми согласиями, пятьдесят популярных пакетов, отдельный перечень больничных демонстраций. Второй показывал способ отбора: исходные девять тысяч триста восемьдесят операций, исключённые категории и сорок три пакета паводкового фонда с неопределёнными правами.

— Он второй не подпишет, — сказал Тимур.

— Его подпись не нужна. Это приложение о методике.

— Тогда скажет, что ты вышла за поручение.

— Я вышла за чистую выборку в исходные данные.

Тимур допил холодный чай.

— Есть ещё бумажный каталог.

— В архиве?

— Не тот, который я тебе показывал. Старый карточный шкаф стоял в комнате проявки. Когда делали ремонт, Орлов велел списать. Я пришёл позже и видел только акт.

— Почему вспомнил сейчас?

— Потому что в акте было сорок две секции.

— А в нашем шкафу сорок одна.

— В нашем сорок одна.

Надежда открыла электронную копию акта на мебель. Сорок два ящика старого каталога были обозначены как утратившие практическую ценность и переданные на уничтожение. Подпись о приёме поставила городская типография. На обороте, среди хозяйственных исправлений, один ящик значился возвращённым: «металлическая деформация, загрузка невозможна». Дальнейшей отметки не было.

— Где он?

— Если бы был в архиве, я бы знал.

Комната проявки после ремонта стала кладовой уборщиц. Гостевая карта её не открывала. Тимур отказался давать ключ и вместо этого вписал в журнал: «Осмотр служебного помещения в рамках подготовки материалов комиссии». Потом позвонил Орлову. Тот не ответил.

— Мы уведомили, — сказал Тимур.

— Ты позвонил.

— Телефон записывает исходящие лучше, чем совесть.

В кладовой пахло хлором и мокрой фанерой. За тележкой с ведрами стоял стеллаж, прибитый к стене. На нижней полке лежали старые занавески, на верхней — коробки лампочек. Никакого каталога не было. Надежда уже решила, что Тимур запомнил число неверно, когда увидела на полу две параллельные царапины. Стеллаж двигали, но не к двери, а в сторону.

Они сняли коробки и отодвинули его вдвоём. За стеллажом обнаружилась узкая дверь без ручки, покрашенная той же серой краской, что стены. Тимур поддел край служебным ключом. Дверь открылась внутрь, с хрустом оторвав полосу краски.

За ней помещался человек и металлический шкаф. На шкафу мелом было написано «ФОТО», ниже — «НЕ БРАТЬ». Один угол смяло так, что верхний ящик не выдвигался. Остальные были закрыты общей штангой, но навесного замка не оказалось.

— Это не тайник, — сказал Тимур. — Это плохой учёт помещения.

— Значит, нам повезло не найти тайник.

В первом ящике лежали карточки фотоплёнки: фамилии, даты, число кадров. Во втором — заказы на увеличение портретов. Третий был набит серыми карточками без алфавитного порядка. В левом углу каждой стоял код ПФ.

ПФ-1: детское пальто, найдено на улице Речной, владелец не установлен. ПФ-2: эмалированный таз, передан семьёй Погодовых, разрешена сушка и опись. ПФ-3: коробка писем, возвращена предъявителю по квитанции. Напротив нескольких номеров красным карандашом было написано «СНЯТО». Не «списано», не «воспроизведено», просто снято — как фотография или мерка.

Надежда дошла до ПФ-17. Карточка оказалась толще других: две скрепленные половины, между ними калька. В строке «предмет» значилось: «альбом, тканевая обложка, повреждение водой». В строке владельца — «Веденеева С. А. и предъявители семейных фотографий по акту». Ниже были вписаны четыре адреса, один зачёркнут. Среди фамилий стояла В. П. Крылова — не как владелица, а как принявшая предметы на временное хранение.

— Мама работала здесь, — сказала Надежда.

— После паводка набирали людей со всего Дома быта.

На кальке виднелись отметки разными руками: «двор», «две девочки», «возвращение», «пирог», «голуби», «не разделять — слабый профиль». Последняя фраза была подписана буквами Л. О.

Надежда прочитала её дважды.

— Не разделять что?

— Может быть, записи.

— Или семьи.

В следующих ящиках находились десятки карточек с тем же принципом. У одного кода перечислялись три предмета и пять владельцев, у другого — адрес общежития без фамилий, у третьего — школьный класс и единственное согласие учительницы. Некоторые пакеты помещались как выставочные, некоторые как восстановительные. На полях стояли поздние каталожные названия: «Папа чинит велосипед», «Бабушкино лето», «Все дома к Новому году». Именно под ними пакеты выдавали сейчас.

Тимур считал вслух. Сорок три карточки совпали с электронной выгрузкой. Ещё двадцать девять в базе не находились по старому коду. На четырнадцати стояло «снято», но не было отметки об уничтожении носителя. На девяти — «образец передан Л. О.».

— Девять у Орлова? — спросила Надежда.

— Буквы не доказывают фамилию.

— Сегодня все любят это слово.

Она не стала вынимать карточки. Тимур принёс из архива фотоаппарат учреждения, положил рядом линейку и номер осмотра. Они снимали ящики по порядку, общий вид и каждую карточку ПФ. В журнале Надежда указала точное помещение, время, число обнаруженных единиц и то, что шкаф вскрыт без повреждения запирающего устройства, потому что устройства не было.

На семьдесят второй карточке в кладовую вошёл Орлов.

Он остановился в дверях, посмотрел на отодвинутый стеллаж, серый шкаф и фотоаппарат в руках Тимура.

— Я поручил подготовить выборку, — сказал он.

— Мы нашли первичный каталог, — ответила Надежда.

— Я вижу.

Он протиснулся внутрь и сразу нашёл ПФ-17, хотя карточка лежала не сверху. Провёл пальцем по кальке, не касаясь текста.

— Этот шкаф должны были уничтожить.

— Один ящик вернули из типографии, — сказал Тимур. — Здесь больше одного.

— Значит, акт исполнили не полностью.

— Кто поставил стеллаж перед дверью? — спросила Надежда.

— Понятия не имею. За двенадцать лет здесь было три ремонта.

— Почему на карточках ваши инициалы?

Орлов взял ближайшую. Это был пакет о мужчине, который учил ребёнка держаться на воде. В списке предметов значились надувной круг, ремень и две фотографии, принадлежавшие разным семьям.

— Потому что я работал фотографом и снимал копии. Ты знала это до сегодняшнего дня.

— «Не разделять — слабый профиль» тоже про фотографии?

Он вернул карточку точно на место.

— После паводка люди приносили мокрые вещи без подписей. Рассказывали одновременно, перебивали друг друга, узнавали на чужих снимках свои дворы. Мы пытались сохранить то, что можно было сохранить.

— А потом дали названия и поставили цену.

— Потом город перестал оплачивать хранение. Прокат сохранил фонд.

— Владельцы знают?

Орлов посмотрел на часы.

— В четыре вы должны отдать материалы Инге Сергеевне.

— Включая эти?

— Включая опись обнаруженного шкафа. Оригиналы остаются здесь. Комиссия не давала вам права выносить документы.

Надежда ожидала, что он потребует удалить фотографии или закроет кладовую. Вместо этого Орлов помог вернуть на место ящик, который заедал. Он держался за погнутый металл осторожно, почти бережно.

— Софья Веденеева жива? — спросила Надежда.

— В старом деле был адрес.

— Вы помните её?

— Я помню сотни людей после паводка.

— Она разрешала прокат?

— Тогда не существовало слова «прокат» в нынешнем смысле.

— Это не ответ.

— Другого у меня сегодня нет.

В четыре Инга получила обе выборки, описание метода и опись шкафа на двадцати трёх листах. Она сравнила число строк, попросила электронный файл на непerezаписываемом диске и сама запечатала копию фотографий. Орлов подписал передачу без замечаний. Только в строке «обнаружено» исправил слово «тайник» на «ранее не учтённый карточный шкаф».

— Сорок три действующих пакета с паводковыми кодами, — сказала Инга. — И двадцать девять карточек без найденных электронных соответствий. Это предварительно?

— Да, — ответил Тимур.

— Согласия на прокат?

— Ни одного подтверждённого среди первых семи проверенных, — сказала Надежда. — Остальные требуют сопоставления с бумажными делами.

— Тогда до понедельника выдача всех сорока трёх приостанавливается.

Орлов положил ладонь на стол.

— Среди них четыре самых востребованных пакета. У нас сто двадцать оплаченных броней.

— Вернёте деньги или предложите замену с действующим согласием.

— Замена переживания не замена услуги. Люди выбирали конкретное.

— Владельцы тоже, возможно, выбирали конкретное: выставку, хранение или один показ.

— А если владельцев не найти?

— Тогда отсутствие человека не станет согласием.

Надежда подумала о матери, которая соглашалась «если недолго», а потом не могла отличить свой двор от чужого. Об отсутствии легко было говорить как о пустом месте. На деле оно всегда заполнялось тем, кто оставался рядом и умел писать карточки.

Инга назначила сплошную сверку паводкового фонда. Надежде поручили сопоставлять сенсорные описания, но запретили открывать носители и участвовать в сеансах. Тимур отвечал за бумажные дела. Орлов — за уведомление клиентов и сохранность первичных документов. Формулировка не обвиняла его ни в чём, однако впервые делала ответственным не за пользу сервиса, а за то, что лежало за серой дверью.

После проверки Надежда вернулась в городской архив. Окно выдачи уже закрывалось, та же женщина складывала штемпельные подушки в ящик.

— По П-198 ответ не готов, — сказала она, увидев расписку.

— У меня появились четыре адреса из первичной карточки. Можно проверить, какой относится к акту?

— Можно подать дополнение к запросу.

— Сегодня?

Женщина посмотрела на часы, затем на список. Один адрес был на улице Речной, два — в снесённом квартале у порта, четвёртый — в посёлке Меловом.

— Пишите. Дата сегодняшняя, входящий номер прежний.

Надежда заполнила лист стоя. В строке «цель запроса» сначала написала: «установление происхождения пакета ПФ-17». Потом зачеркнула «пакета» и написала: «установление владельцев вещей, принятых после паводка». Не переживания имели владельцев — вещи и право человека решать, что с ними делать.

Женщина прочитала дополнение.

— По одному адресу есть домовая опись. Если фамилия сохранилась, завтра утром дам номер дела. Само дело — по сроку.

— Фамилия Веденеева.

Рука женщины замерла над журналом.

— Веденеева Софья Андреевна?

— Да.

— Она приходила зимой. Спрашивала про альбом после паводка.

— В этом году?

— В феврале. Получила справку, что вещевой акт передан правопреемнику мастерской.

— Прокату?

— Бывшему Дому быта. Названия у вас меняются быстрее, чем дела.

— Она оставила адрес?

— В заявлении есть контакт для ответа. Без её согласия я вам его не дам.

— Передайте ей мой номер.

Женщина вынула чистый лист.

— Пишите обращение. Без описания здоровья родственников и без просьб «позвонить срочно». Фамилия, учреждение, предмет.

Надежда написала: «Я участвую в проверке хранения и использования альбома, связанного с актом П-198. Прошу связаться со мной через городской архив или с инспектором Ингой Маловой». Свой личный номер добавлять не стала. Софья уже один раз отдала вещь учреждению, которое расширило смысл её согласия. Нельзя было начинать знакомство с новой просьбы поверить незнакомому человеку.

На улице зажглись фонари. Надежда позвонила Антону. Он ответил не сразу; на заднем плане гремела больничная тележка.

— Ты ещё там?

— Мама уснула. Людмила сказала, можно посидеть до восьми.

— Как она?

— Спросила, почему Лёша постарел. Я сказал, что ел много хлеба.

— Поверила?

— Сказала, что хлеб тут ни при чём.

Они оба засмеялись, но не одновременно. Раньше Надежда исправила бы его шутку, объяснила бы, что Вера не поверила, а просто удержала разговор. Теперь это не требовалось.

— Я нашла карточку, — сказала она. — Мама принимала вещи после паводка. Альбом Софьи был у неё на хранении.

— Значит, она знала эту семью?

— Возможно. Карточка не доказывает, что они были близки.

— Ты уже говоришь как на работе.

— На работе сегодня выяснилось, что таких карточек десятки.

Антон помолчал.

— Надь, только не включай ничего сама.

Она посмотрела на окна бывшего Дома быта. На третьем этаже горел свет в кабинете Орлова. За стеной кладовой стоял погнутый шкаф с семьями, которые когда-то не разделили, потому что по отдельности они давали слабый профиль.

— Не включу, — сказала Надежда.

Это было первое обещание за последние дни, которое она дала не для того, чтобы сохранить себе доступ.

Глава 8. Двор, которого не было

На следующий день запрет напечатали в двух экземплярах и приклеили один к двери изолятора.

«Доступ к носителям ПФ приостановлен до распоряжения комиссии».

Под строкой стояли подписи Инги, Орлова и Тимура. Места для подписи Надежды не было. Она прочитала лист трижды, будто отсутствие её фамилии могло означать не отстранение, а случайную нехватку бумаги.

Тимур менял пломбы на шкафах. Новые были жёлтыми, с номерами, которые следовало вписать сразу в три журнала. Раньше он ворчал на такую работу, теперь делал её молча и каждый оторванный хвостик складывал в конверт.

— Архив ответил? — спросил он.

— До обеда обещали номер домовой описи.

— Тогда жди опись.

— Я и жду.

Тимур посмотрел на неё поверх очков. За их спиной сотрудница выдачи объясняла клиенту, почему воспоминание о рыбалке нельзя заменить воспоминанием о даче, хотя и там и там есть река. Клиент требовал заведующего. Орлов с утра заперся у себя с бухгалтером: сто двадцать бронею превратились в сто двадцать разговоров о возврате денег.

— Ты стоишь у двери изолятора, — сказал Тимур.

— Здесь таблица сверки.

— Таблица у тебя на столе.

Надежда ушла к столу. В электронной базе ПФ-17 был описан старательнее большинства пакетов. Возвращение дочери, позднее лето, двор у речного порта, две женские фигуры, предположительно сёстры. Запахи: слива, мокрая известь, речной ил. Звуки: голуби, грузовой гудок, стук домино. Устойчивые детали: три ступени у левого подъезда, водосточная труба с белой заплатой, синяя дверь сарая, лавка под шелковицей.

В первичной карточке вчера они нашли только четыре слова: «двор», «две девочки», «возвращение», «голуби». Всё остальное появилось позднее — после сеансов, в отчётах оценщиков и анкетах клиентов. Надежда открыла историю изменений. Первое полное сенсорное описание составил Л. Б. Орлов. Через два года другая оценщица добавила сливу и гудок. Ещё через год клиент уверенно назвал дерево шелковицей, хотя в Бережске шелковица почти не росла. После этого слово переключалось в карточку как подтверждённое тремя переживаниями.

Надежда выгрузила все семьдесят четыре отчёта. В сорока одном была синяя дверь. В двадцати девяти — три ступени. В восемнадцати возвращавшаяся девушка несла чемодан. В одиннадцати — свёрток. В пяти — ребёнка. Ни один ранний отчёт не называл девушку Соней. Имя появилось после того, как пакет получил прокатное название, и затем встречалось почти у каждого второго клиента.

Она знала это явление. Карточка учила человека тому, что он должен узнать. Потому вводные описания полагалось делать короткими, а оценщик во время сеанса не задавал навязчивых вопросов. Но ПФ-17 существовал так долго, что уже нельзя было отделить переживание от слов, которыми его десятилетиями сопровождали.

Телефон на столе зазвонил в половине двенадцатого. Городской архив сообщил номер дела и разрешил ознакомиться с домовой описью после трёх. Софья на обращение пока не ответила.

— Я поеду к трём, — сказала Надежда Тимуру.

— Инге позвони.

— Зачем? Запрос мой, доступ открытый.

— Затем, что ты участвуешь в проверке от учреждения.

Надежда позвонила. Инга разрешила выписать адресные признаки, запретила копировать сведения о жильцах, не относящиеся к акту, и попросила принести заверенную справку. Потом добавила:

— К изолятору не подходите.

— Я работаю в том же помещении.

— Значит, не открывайте.

— Он опечатан.

— Я знаю, что он опечатан.

После разговора Надежда обнаружила, что обвела на распечатке слово «возвращение» до дырки. Она выбросила лист и напечатала другой.

В архиве ей выдали не план дома, а ведомость переселения. Квартал у старого речного порта снесли за пять лет до паводка. Дома № 6, 8 и 8а по Портовому переулку признали аварийными после просадки грунта; жильцов расселили, дворовые строения разобрали. На их месте устроили площадку временного хранения речного песка, а затем автостоянку порта.

Надежда сверила даты. Паводковый акт был составлен в августе, через двенадцать лет после сноса.

— Может, вещи хранились у бывших жильцов, — сказала архивистка. — Адрес в воспоминании и адрес приёма не обязаны совпадать.

— В карточке указано, что альбом нашли на Речной.

— Речная не Портовый переулок.

— Но описание пакета точное. Три ступени, сарай, труба с заплатой.

— Точность чего?

Архивистка развернула к ней ведомость. На машинописной странице стояли номера квартир, площадь комнат, число печей и хозяйственных построек. У дома № 8 было четыре подъезда, у каждого — по две ступени. Сарай красили зелёным по предписанию пожарной охраны. Водосточных труб не было: крыша сходила во двор открытым желобом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.